

*Посвящается Дженнифер Джексон.
Спасибо за то, что верила в эту книгу.*

ГЛАВА

1

Луна вышвыривали из множества поселений и лагерей наземных обитателей, но он не ожидал подобного от корданцев.

День начинался вполне себе неплохо. Лун, как обычно, охотился в одиночку, выслеживая варгитов — больших бескрылых птиц, часто встречававшихся в этой речной долине. Одного он убил и съел сам, после чего прилег на нагретый солнцем камень и уснул, чуть не проспав все на свете. К тому времени, когда он смог выследить второго варгита для лагеря, убить его, освежевать и притащить обратно, небо уже на-

чало темнеть. Ворота в шаткой изгороди, сплетенной из веток, были закрыты, и Лун потряс створку, поправляя на плече тяжелую мертвую птицу.

— Открывай, это я.

Ворота, как и вся изгородь, в общем-то, были здесь для виду. Лагерь построили на поляне, спускавшейся к широкому руслу реки, и изгородь даже не окружала его целиком. За пределами лагеря начинались джунгли, тянувшиеся по склонам холмов и подступавшие к крутым скалам и ущельям на востоке. Густые кроны высоких деревьев, увешанные лианами и тяжелым мхом, сплетались в раскидистый полог, укрывавший землю вечными сумерками. Оттуда к лагерю могла выйти любая тварь, и непрочная изгородь не остановила бы ее. Корданцы это понимали, но Лун все равно считал, что она давала им ложное ощущение безопасности и делала всех — в особенности детей — беспечными. Однако изгородь была дорога их сердцу, поскольку напоминала корданцам об окруженных стенами городах их старой родины в Киа-спуре, когда те земли еще не были захвачены Сквернами. Так что предложения разобрать изгородь и пустить ее на дрова никогда ни к чему не приводили.

Когда Лун еще раз потряс створку, за ней что-то зашевелилось и глухой голос Хэка произнес:

— Какой еще «я»?

Затем Хэк загоготал, пока его низкий смех не перешел в булькающий кашель.

Лун отвел глаза и раздраженно вздохнул. То, что охрану изгороди поручали самому умственно отсталому члену общины, не делало ее надежнее. Впрочем, найти другую работу, для которой сгодился бы Хэк, было непросто.

Солнце, садившееся за далекие горы, окрасило густые, лесистые холмы в оранжево-желтые тона. А еще оно обрамило своими лучами небесный остров, мирно паривший высоко в воздухе над противоположным краем долины. Он уже несколько дней плыл в их сторону,

повинуясь веяниям ветров. Буйная растительность переполняла поверхность острова и свисала с его краев. Лун мог даже разглядеть очертания полуразрушенных башен и стен, почти полностью покрытых наступающей зеленью. Стая птиц с длинными белыми туловищами, достаточно большими, чтобы схватить в свои когти жующего траву стадника, пролетела мимо острова, и Лун почувствовал прилив чистейшей зависти.

«Сегодня ночью, — пообещал он себе. — Я уже давно этого не делал».

Но пока что ему нужно было войти в проклятый лагерь. Он постарался ответить спокойно, не позволяя своему раздражению просочиться в голос. Если дать Хэку понять, что ты не в духе, тот станет лишь несноснее.

— Мясо тухнет, Хэк.

Хэк снова расхохотался, снова закашлялся и наконец отодвинул засов ворот.

Лун втащил птицу внутрь. Хэк присел на корточки, привалившись к изгороди, и смотрел на него со злорадной усмешкой. На вид Хэк был типичным корданцем: низким и коренастым, с бледной серо-зеленой кожей и тускло-зелеными волосами. У большинства корданцев на руках или лицах были небольшие пятна сверкающей чешуи — наследие союза с морским царством, заключенного когда-то во времена их павшей империи. На некоторых, в особенности на молодых, чешуйки были похожи на сверкающие на коже украшения. Хэк же из-за них казался просто скользким.

Хэк, бывший схожего мнения о Луне, сказал:

— Привет, уродец.

С корданцами проживали и другие чужаки, но Лун выделялся даже среди них. На голову выше большинства, он был худым и поджарым, а они — крупными и широкоплечими. У него были темные волосы и темная бронзовая кожа, которая никогда, как бы сильно ни палило солнце, не поддавалась загару. А зелеными у Луна были лишь его глаза.

— Умница, Хэк, продолжай трудиться, — сказал Лун, пронося добычу мимо Хэка и сдерживая желание ответить ему подзатыльник.

По всему поселению были разбросаны шатры — конические постройки, сделанные из плетеного тростника, высушенного, спрессованного и источавшего едва заметный сладковатый запах. Они тянулись до грядок, расположенных на самом краю широкого русла реки, — там растили зеленоплод. Сейчас большинство жителей окружили место для собраний в центре лагеря и делили принесенное охотниками мясо. У реки кто-то мыл большие глиняные сосуды и наполнял их водой. Несколько женщин трудились у костров, готовя пищу. Пока Лун шел по утоптанной земляной дорожке к центру, ему повстречалась стайка радостных детишек, побежавших рядом, с любопытством глаза на варгита. Их восторженные приветствия разом заставили его забыть о встрече с Хэком.

Старейшины и другие охотники сидели кругом на соломенных ковриках перед шатром старейшин, а несколько женщин и детей постарше были заняты тем, что разрезали и заворачивали добычу, принесенную раньше. Лун повалил тушу варгита на грязную соломенную подстилку, где лежала вся остальная дичь, и отложил в сторону лук и колчан со стрелами, которые ему не понадобились. Он наловчился свежевать свою добычу так, что становилось невозможно понять, как именно ее убили. Староста Дарган наклонился вперед, чтобы рассмотреть тушу, и одобрительно кивнул:

— Значит, твоя охота все-таки прошла удачно. Когда стало смеркаться, мы забеспокоились.

— Следы повели меня вниз по долине. Это заняло больше времени, чем я думал. — Лун сел на пятки на краю коврика, подавляя желание зевнуть. Он все еще не переварил первого убитого им варгита, который был намного больше этого. Большую часть времени он искал животное поменьше, которое он мог бы дотащить

обратно без чьей-либо помощи. Однако для Луна это все равно оставалось в новинку — возвращаться домой к тем, кто беспокоился, не случилось ли с ним что.

Ильдрас, глава охотников, дружески кивнул ему:

— Мы тебя не видели и решили, что ты, возможно, пошел на запад.

Лун мысленно отметил, что завтра ему нужно обязательно пересечься с отрядом Ильдраса и что впредь нужно бы делать это почаще. Ему хорошо здесь жилось, и из-за этого он начал немного терять бдительность. Имея богатый опыт, Лун знал, что лучше не выдумывать изощренную ложь, и просто сказал:

— Я тоже никого не видел.

Дарган жестом подозвал одного из мальчишек, чтобы тот подошел и разрезал добычу Луна. Дарган и другие старейшины-мужчины вели учет всего продовольствия и распределяли его между остальными жителями лагеря. Это было разумно, но то, как они это делали, всегда не давало Луну покоя. Ему казалось, что и остальным это временами не нравится, но сказать наверняка было трудно, поскольку никто не говорил об этом вслух.

Тогда Ильдрас следка подтолкнул Даргана локтем и сказал:

— Расскажи ему новости.

— Ах, новости. — Выражение лица Даргана на миг приобрело язвительное выражение. Он сказал Луну: — В долину пришли Скверны.

Лун изумленно уставился на них. Но Ильдрас лишь скривил рот, а лица остальных приобрели либо веселый, либо скучающий, либо раздраженный вид. Двое мальчишек, снимавших шкуру с туши травоеда, покапались со смеху, зажимая себе рты руками, и одна из женщин шикнула на них. Лун решил, что это один из тех случаев, когда он просто не понимал чувства юмора корданцев. Решив не озвучивать первые несколько ответов, которые пришли ему в голову, он сказал:

— Почему вы так решили?

Дарган кивнул в сторону другого старейшины:

— Такрас видел одного.

Такрас — старик с большими выпученными глазами, из-за которых он всегда казался немного сумасшедшим, — кивнул:

— Одного из предвестников, большого такого.

Лун закусил губу, чтобы его лицо не дрогнуло, и попытался сделать вид, что задумался. Очевидно, община решила не возражать Такрасу. Существа, которых корданцы называли предвестниками, на самом деле являлись большими кетелями. Они были самыми крупными особями из всех Сквернов. Если бы хоть один побывал рядом с лагерем, Лун бы его почуял. Его смрад витал бы в воздухе и ощущался бы в речной воде. Эти твари невообразимо воняли. Но Лун не мог рассказать об этом корданцам. И еще: если бы Такрас подошел к большому кетелю достаточно близко, чтобы его увидеть, тот бы его съел.

— Где?

Такрас указал на запад.

— Я видел его со скалы на краю леса, откуда видно ущелье.

— Он с тобой говорил? — насмешливо выпучив глаза, спросил Вардин.

— Вардин, — укоризненно сказал Дарган, но было уже поздно.

Глаза Такраса гневно вспыхнули.

— Ты смеешь дерзить старшему! — Он вскочил на ноги. — Что ж, оставайтесь глупцами. Я знаю, что я видел.

Он затопал прочь, скрывшись между шатрами, и все вздохнули. Ильдрас протянул руку и, по-видимому, с упреком толкнул Вардина в плечо. Лун промолчал и не стал хмуриться. Они ведь все равно потешались над стариком. Вардин просто не стал этого скрывать. Если Дарган не хотел, чтобы так получилось, ему самому не следовало столь откровенно высмеивать Такраса.

— Он сошел с ума, — сказал Кават, с мрачным беспокойством глядя Такрасу вслед. Кават был еще одним чужаком, хотя он жил здесь намного дольше Луна. У него была сверкающая бледно-голубая кожа, длинное узкое лицо, и посреди черепа шел хохолок из серых перьев. — Он поднимет панику.

Все корданцы лишь пожали плечами. Было непохоже, чтобы они собирались паниковать. Дарган прибавил:

— Все знают, что он слегка тронулся умом. Они не станут слушать. Но не нужно возражать ему. Это неуважение к его почтенному возрасту. — Всем своим видом показывая, что тема закрыта, он повернулся к Луну и произнес: — Теперь скажи нам, не видел ли ты в той стороне долины бэндоскоков? Думаю, их сезон уже почти подошел.

Когда Лун впервые нашел корданцев и был принят в их общину, Дарган выделил ему шатер, а вместе с ним Селис и Илейн. Луну очень хотелось иметь собственный шатер; собственно, именно ради этого он и присоединился к корданцам. К тому времени он уже давно путешествовал в одиночку, так что возможность спать в сухом, теплом месте, не беспокоясь о том, что его кто-нибудь съест, казалась слишком привлекательной, чтобы пройти мимо. И в действительности все оказалось так же, как он себе представлял. А вот к Селис и Илейн пришлось привыкать.

Когда он добрался до своего шатра, уже наступили сумерки и тени становились все гуще. У входа его встретила Селис, вышедшая наружу с пустым бурдюком в руках.

— Сколько тебя можно ждать? — резко сказала она и выхватила у него сверток с мясом.

— Даргану это скажи, — так же резко ответил Лун. Она прекрасно знала, что ему приходилось ждать, пока старейшины поделят добычу, но он перестал пытаться вразумить ее где-то через три дня после того, как кор-

данцы приняли его в своем лагере. Он забрал у нее бурдюк и отправился к корытам, чтобы наполнить его.

Когда корданцы бежали из своего последнего города, многие юноши остались прикрывать отступление и были убиты. Поэтому молодых женщин в лагере было гораздо больше. Корданцы считали, что женщины не способны прокормиться без мужчин, хотя Лун и не понимал почему. Он знал, что, например, Селис вполне могла сама догнать любого травоеда и забить его насмерть дубинкой, так что он не понимал, почему она сама не могла охотиться для себя. Но таков уж был жизненный уклад корданцев, и Лун не собирался его оспаривать. К тому же ему нравилась Илейн.

Когда он вернулся, Селис уже разложила мясо на плоском камне и разрежала его на порции. Илейн сидела на циновке у огня.

Илейн была красивой, хотя другие корданцы так не считали, и из-за отсутствия внимания с их стороны она стала тихой и робкой. Она была слишком высокой, слишком худой, а ее бледно-зеленая кожа отливала перламутровым блеском. Лун пытался объяснить ей, что в большинстве мест, где он жил раньше, ее сочли бы привлекательной и что все понимали красоту по-разному. Но она, похоже, так его и не поняла. Селис внешне была более типичной корданкой, коренастой и сильной, с переливчатой чешуей на щеках и лбу. Лун не знал, почему ей не посчастливилось оказаться с ним, но подозревал, что дело было в ее характере.

Лун отнес свое оружие в шатер и тяжело уселся на циновку рядом с Илейн. Она очищала зеленоплод — большой, похожий на дыню плод, который корданцы ели с чем угодно и в любом виде: жареным, вареным или сырым. После съеденной еще днем добычи Лун не успел проголодаться и должен был оставаться сытым еще примерно сутки. Но отказ принимать пищу в присутствии других был одной из первых ошибок, которые он совершил за свою жизнь, и повторять ее он не собирался.

Однажды из-за этого его выгнали из уютного городка шелкопрядов Вартилт, и вспоминать об этом было до сих пор неприятно.

— Лун. — Илейн всегда говорила тихо, но на этот раз в ее голосе прозвучали нотки мучительной нерешительности. — Как думаешь, Скверны и правда здесь?

Конечно же, рассказ Такраса разлетелся по всему лагерю. Лун знал, что ему стоит повторить слова Даргана, но, посмотрев на Илейн и на то, как ее бледно-зеленая кожа посерела от страха, он просто не смог.

— Нет. Я охотился на открытой местности, прошел туда и обратно по всей долине и ничего не видел. И другие не видели.

Заворачивая мясо в листья бандана, чтобы положить его в угли, Селис сказала:

— Значит, Такрас врет, чтобы напугать нас всех до смерти и поразвлечься.

Лун притворился, что задумался.

— Скорее всего, нет. Не суди других по себе.

Она скорчила кислую мину. Поскольку ей все-таки пришлось спросить напрямую, она сказала:

— Что тогда?

У Илейн не получалось проткнуть ножом жесткую кожуру зеленоплода. Лун забрал его и обрезал твердые края. Затем он прищурился, глядя на Селис:

— Ты знаешь, сколько существует летающих тварей помимо Сквернов?

Селис стиснула зубы. Она знала, но не хотела этого признавать. Все корданцы знали, что дальше в холмах жили птицы, крылатые и бескрылые, которые были почти такими же большими, как и малые Скверны, и почти такими же опасными.

— Значит, Такрас не прав? — сказала Илейн, нахмурив свои ровные бровки.

Лун закончил очищать зеленоплод от кожуры и начал его резать.

— Он смотрел против солнца и ошибся.

Марта Уэллс

— Как же нам всем повезло, — сказала Селис, но Лун уже хорошо знал, что на ее языке это означало неохотное признание того, что он, скорее всего, прав.

Он надеялся, что был прав. Нужно было все выяснить, так что теперь у него появилась еще одна причина устроить ночную вылазку.

— Ты неправильно режешь зеленоплод, — рывкнула Селис.

Лун ждал до поздней ночи, лежа на спине, разглядывая тени на изогнутых опорах шатра и прислушиваясь к тому, как вокруг него в лагере постепенно стихают все звуки. Было душно и влажно, и все, похоже, долго не могли уснуть. Полная тишина не наступала никогда — жителей было слишком много. Но он уже давно не слышал поблизости ни голоса, ни низкого плача капризного младенца.

Лун осторожно отодвинулся от Илейн. Она пробудилась и издала сонный вопросительный звук. Он прошептал:

— Слишком жарко. Я пойду пройдусь; может быть, посплю снаружи.

Она негромко вздохнула и перевернулась. Лун поднялся на ноги, нашел свою рубашу, обошел постель Селис стороной и скользнул наружу.

Он и Илейн спали вместе со второго месяца пребывания Луна здесь. Перед этим девушка, похоже, первая проявила к нему интерес, но Лун тогда не понял, чего она хочет. А Илейн восприняла его поведение как отказ, из-за чего стала очень несчастной. Лун никак не мог понять, что происходит, и даже всерьез начал подумывать о стратегическом отступлении — то есть о побеге из лагеря, — пока однажды ночью Селис раздраженно не вскинула руки и не объяснила ему, чего хочет Илейн.

Илейн была кроткой и милой, но недостаточно сообразительной, что иногда выводило Луна из себя. Несколько дней назад она сказала, что хочет ребенка,

и Луну пришлось ответить ей, что это, скорее всего, невозможно. Разговор получился трудным. Она лишь трагически смотрела на него, широко распахнув глаза, словно он нарочно утаивал от нее эту правду.

— Мы слишком разные, — говорил он ей, чувствуя себя беспомощно. — Я не корданец.

Он подумал, что если бы она и могла от него забеременеть, то это уже бы произошло.

Илейн моргнула и нахмурила серебристые брови:

— Ты хочешь Селис, а не меня.

Селис, сидевшая по другую сторону от огня и зашивавшая порванный рукав рубахи, устало покачала головой.

— Брось ты это дело, — сказала она Луну.

Лун мрачно зыркнул на нее и продолжил объяснять Илейн:

— Нет, нет, я просто не думаю... Я не могу дать тебе ребенка. У нас просто не получится. — Потом он с надеждой прибавил: — Может быть, у тебя получится завести детей с кем-то другим и ты приведешь их жить с нами.

Теперь, когда он об этом подумал, идея показалась ему неплохой. Он знал, что мог добывать достаточно еды и для большей семьи, даже если старейшины будут продолжать забирать часть себе.

Илейн лишь продолжала молча смотреть на него. Селис буркнула Луну:

— Какой же ты тупица.

Он вышел наружу. По сравнению с шатром воздух здесь был прохладнее, а слабого ветерка оказалось достаточно, чтобы разогнать духоту. Полная луна сияла ярко, настолько ярко, что через нее почти просвечивала земная обитательница, которая, по преданиям, жила внутри. Небо было усыпано звездами, и Лун с трудом сдержался, чтобы не взмыть напрямик в воздух.

Он несколько секунд постоял у шатра, притворно потягиваясь. По ту сторону лагеря, у ворот, стояли двое

часовых с факелами, но костры, на которых готовили пищу, были потушены или едва тлели в очагах. На его коже остался запах Илейн, и весь лагерь пропах корданцами, так что понять, есть ли кто-нибудь поблизости, было трудно. Но другой возможности уйти он все равно не получит.

Его босые ноги бесшумно ступали по притоптанной земле между шатрами. Он никого не видел, но, проходя мимо, слышал мерное дыхание и редкое сонное бормотание. Он остановился у выгребных ям, отлил в одну из них, а затем, завязывая шнурок на штанах, пошел прочь.

Лун направился к дальней границе лагеря, где изгородь спускалась вниз, к обрывистому краю русла реки. Изгородь, сделанная из связанных между собой веревками пучков тростника, и в других-то местах была не очень надежной, но здесь, где она шла поперек крутого берега, под ней и вовсе зияли огромные дыры. Лун лег на землю и прополз в одну из них.

Оказавшись по ту сторону изгороди, он быстрым шагом пересек поле и достиг опушки джунглей. Там, скрывшись в крошечной тьме, он изменил свой облик.

Лун не знал, кто он такой. Он знал лишь то, что мог меняться. Его туловище вытянулось в высоту, а плечи стали шире. Он стал сильнее, но при этом намного легче, словно его кости вдруг оказались сделаны из чего-то другого. Его кожа погрубела, потемнела, на ней вырос панцирь из небольших чешуек, наложенных друг на друга подобно сросшимся перьям. Его чешуя была почти черной, из-за чего в такой тьме он стал почти невидим, а при ярком свете солнца у нее появлялся бронзовый отлив. На руках и ногах у него отросли когти, втягивавшиеся внутрь, а сзади — длинный гибкий хвост, на котором было удобно свисать вниз головой с ветвей деревьев. Еще его голову обрамляла грива из гибких кожистых гребешков и длинных шипов, которые спускались ему до самой поясицы. В бою они поднимались и становились жесткими, защищая его голову и спину.

Теперь он расправил крылья и взмыл в воздух, могучими взмахами поднимаясь все выше и выше, пока наконец не поймал воздушный поток.

Здесь, наверху, было прохладнее, а порывы ветра сильнее. Сначала Лун пролетел над всей долиной, на всякий случай — вдруг Такрас был прав, — но он не увидел и не почуял ничего необычного. За джунглями обширное, поросшее травой плато, где текла река, пустовало, если не считать гигантских грузных силуэтов больших травоедов с панцирями, которых корданцы называли красами. Лун направился к холмам, пролетел над узкими ущельями и дюжиной небольших водопадов. Ветер здесь был крепче, и Лун едва заметными движениями менял положение своих крыльев, играючи перенаправляя потоки воздуха вдоль своих суставов и чешуи.

Вокруг не было следов ни Сквернов, ни каких-либо необычных племен земных существ — ничего, что могло бы представлять угрозу корданцам.

Лун развернулся в сторону небесного острова, одиноко парившего над равниной. Он поднимался выше, пока не оказался прямо над ним.

Он заложил круг над островом. Тот был неправильной формы, с рваными краями. С земли было трудно угадать его размеры, а с воздуха Лун увидел, что в ширину он едва достигает ста шагов. Даже лагерь корданцев был больше. Остров покрывала растительность: деревья с узкими стволами, закрученными по спирали, тяжелые свисающие лианы и белые цветы, распускавшиеся по ночам. Но Лун все еще мог разглядеть очертания круглой башни и постройки, от которой остались лишь сложенные каменные блоки, увитые лианами. Были там и разрушенные части стен, иссохшие бассейны и фонтаны.

Лун заметил балкон, торчавший из занавеса листвы, и снизился. Он легко приземлился на ограждение, обхватывая когтями выщербленный камень. Сложив кры-

ля, он шагнул на растрескавшуюся плитку и раздвинул лианы, ища дверь. Она оказалась вытянутой и узкой, и, чтобы войти в нее, он снова принял облик земного создания.

Редкие лучи лунного света проникали сквозь трещины и плотный покров растительности. В комнате стоял терпкий запах земли и плесени. Лун чихнул, а затем осторожно пошел вперед.

Его одежда все еще была на нем благодаря небольшому магическому трюку, позволявшему ему перевоплощаться вместе с любой тканью, касавшейся его тела. Однако ему пришлось потренироваться, чтобы научиться этому. Луна учила его мать, и она же научила его летать. Хотя он так и не смог понять, как перевоплощаться вместе с обувью на ногах. Впрочем, кожа его стоп была огрубевшей и толстой, как будто зарубцевавшейся, так что обычно он ходил босиком.

Когда его, еще будучи мальчишкой, выгнали из очередного поселения, Лун попытался сделать свое бескрылое воплощение более похожим на других земных обитателей, надеясь, что так он сможет лучше вписаться в их сообщество. Его мать никогда не говорила о такой способности, но он считал, что попытаться стоит. Что ж, с таким же успехом он мог попытаться перевоплотиться в камень или дерево. В конце концов Лун пришел к выводу, что магия просто так не работает. У него было одно бескрылое обличье и одно крылатое, чешуйчатое, а больше ничего.

Он подошел к двери, вспугнув небольшую стайку крылатых ящериц. Яркие зелено-голубые создания упорхнули прочь, безобидно шипя, и он вошел в следующее помещение. Потолок находился на высоте нескольких этажей над ним, и в зал вели высокие двери и окна, выходившие в атриум, по форме похожий на шестиконечную звезду. Пучки лунного света пронизывали тьму, освещая мозаичный пол, усыпанный мусором и обломками, и неглубокий бассейн, заполненный

ярко-голубыми цветами. Дверные проемы вели в другие темные помещения.

Лун переходил из одного зала в другой. Плитка трещала у него под ногами. Он ворочал осколки керамики и стекла, сдвигал лианы, чтобы посмотреть на выпцветшие фрески на стенах. Разглядеть их в столь скудном освещении было трудно, но существа на фресках выглядели высокими и изящными, с длинными струящимися волосами и небольшими пучками щупалец там, где должны были находиться их рты. Изображения рассказывали что-то о морском царстве, но он не мог понять, о чем именно: о битве, о союзе или же просто какую-то легенду.

Лун был еще совсем мальчишкой, когда его мать, братья и сестра были убиты, и она никогда не рассказывала ему, откуда они. Он долгое время рыскал по небесным островам, пытаясь найти хоть какие-то следы его народа. Острова летали, так что было логично предположить, что на них могли жить оборотни, способные летать. Но он так ничего и не нашел и теперь исследовал острова лишь затем, чтобы чем-то себя занять.

Когда Лун впервые присоединился к корданцам, он не думал, что останется с ними надолго. Раньше он уже жил с народами, которые ему нравились, — недавно, например, с жандинцами, которые жили в скальных пещерах над водопадом, и с хасси в их деревянном городе, что располагался высоко в воздухе, на ковре из плотно сплетенных ветвей деревьев, — но что-нибудь всегда шло наперекосяк. Либо приходили Скверны, либо кто-нибудь начинал относиться к нему с подозрением, и Луну приходилось уйти. Он никогда не жил с кем-либо достаточно долго, чтобы по-настоящему довериться им и рассказать, кто он такой. Но жизнь в одиночестве тяготила его, пусть даже он и мог перевоплощаться по желанию или по необходимости. Она казалась бессмысленной и, хуже всего, одинокой. Задумавшись, он произнес:

— Ты всегда чем-то недоволен.

Он даже не понял, что сказал это вслух, пока слова не пронзили тишину.

В следующей комнате Лун нашел металлический шкаф тончайшей работы. Тот был встроен в стену и битком набит книгами. Роясь среди заплесневелой, разлагающейся груды бумаги и кожи, он нашел несколько целых томов. Они лежали в аккуратных свертках и были сделаны из тонких жестких листов — не то из мягкого металла, не то из тонкой кожи рептилии. Лун перенес стопку обратно в атриум, сел в пятне лунного света, что падал на скрипучие плиты у заросшего цветам фонтана, и попытался что-нибудь прочитать.

Язык был похож на альтанский — самый распространенный язык Трех Миров, — но этот диалект сильно от него отличался, и Лун мало что смог разобрать. Однако в книгах были изящные цветные рисунки и изображения земных существ с щупальцами на лицах. Они восседали верхом на рогатых животных, похожих на бэндоскоков, и летали в повозках, стоявших на спинах гигантских птиц.

Лун увлекся и не замечал, что за ним следят, пока случайно не поднял глаза.

Видимо, он что-то услышал, или уловил запах, или просто почувствовал присутствие другого живого существа. Он поднял голову, осматривая открытый колодец атриума и примечая широкие балконы, через которые он мог легко попасть в другие внутренние помещения, если изменит облик и вскарабкается на них. Затем он заметил на одном из балконов тень — тень, которой там было не место.

Поначалу он пытался разглядеть в ней статую, настолько неподвижно она стояла. Затем лунный свет отразился от чешуи на тонких и гибких конечностях, от когтей, впивавшихся в каменное ограждение, и от изгиба крыла, завершавшегося острым шипом.

У Луна перехватило дыхание, и кровь застыла в его жилах.

«Идиот», — подумал он, а затем бросился в ближайший дверной проем.

Он в панике перемахнул через обломки и мусор, а затем присел и прислушался. Он услышал, как существо зашевелилось, зашуршало чешуей, распрямившись, и заскрежетало когтями по камню. Он подумал, что тварь слишком большая и не сможет пробраться внутрь, а вместо этого полетит вверх и наружу. Лун сорвался с места и побежал через внутренние помещения.

Он не мог дать этой твари загнать себя в ловушку, у него была единственная возможность ускользнуть от нее, и воспользоваться ею нужно было сейчас. Лун притормозил, заворачивая за угол, проскользил босыми ногами по покрытой мхом плитке, а затем взобрался по груде каменных обломков к завешанному лианами окну. Прыгая через него, он переменялся.

Лун ощутил движение в воздухе еще до того, как увидел тянущиеся к нему когти. Он увернулся, резко и больно изогнувшись в спине, и замахнулся на темный силуэт, вдруг оказавшийся прямо над ним. Яростно размахивая руками, он задел тварь по лицу скользящим ударом и почувствовал, как его когти зацепились за жесткую чешую. Существо отпрянуло, ударившись большими крыльями о руины здания и сбив с его стен плитку и зелень.

Лун кувыркком полетел к растрескавшейся мостовой, ухватился за карниз полуразрушенной башни и прижался к камню. Он оглянулся как раз в тот миг, когда тварь воспарила вверх, хлопая крыльями и разбрасывая в стороны обломки камней и мертвую листву.

«Ох, ну и громадина», — подумал Лун. Его сердце бешено колотилось. Существо было, пожалуй, недостаточно большим, чтобы разом проглотить его, но оно превосходило Луну размерами раза в три, если не больше. Размах крыльев Луна достигал почти двадцати шагов, а у этого существа он был больше сорока. «Так что за два или три приема точно сожрет». И это было не жи-

вотное. Существо знало, что перед ним оборотень, и ждало, что он вылетит из верхнего окна, а не выйдет или вылезет.

Когда существо, взмахнув могучими крыльями, приготовилось спикировать на него, Лун оттолкнулся от башни и упал в сторону и вниз, за край небесного острова. Он накренил крылья, проносясь почти вплотную к острым камням и водопадам буйной зелени. Затем он приземлился на выступавший из острова камень и прижался к нему, подобно ящерице. Впившись в него когтями, Лун сполз вниз, спрятался под ним, сложил крылья, убрал хвост и постарался сделаться как можно меньше.

Он дышал редко и неглубоко, надеясь, что ему не придется прятаться здесь слишком долго. Его когти предназначались для того, чтобы цепляться за ветви деревьев, а не за камень, и уже начинали болеть. Он не слышал ту тварь, но не удивился, когда мимо него вниз пронеслась огромная тень. Она стала медленно кружить под островом, пытаясь обнаружить Луну. Он надеялся, что существо смотрит вниз, в сторону джунглей.

Заложив еще один вираж, тварь стала подниматься вверх, чтобы еще раз пролететь над островом.

«Пора», — подумал Лун. Он нацелился в сторону глубокой части реки, втянул когти и разжал руки.

Накренив крылья так, чтобы уменьшить сопротивление ветра, он камнем рухнул вниз. Ветер со свистом проносился мимо, и он считал удары собственного сердца, гадая, сколько времени понадобится существу, чтобы медленно облететь небесный остров. Затем он перевернулся, чтобы посмотреть наверх, и в тот же миг увидел, как у западного края острова показался темный силуэт.

Тварь сразу же заметила его. Она не взвыла от гнева, а просто спикировала за ним.

«Ой-ой», — Лун снова извернулся и стрелой полетел вниз. Быстро приближавшаяся земля казалась размы-

тым зеленым пятном, которое прочерчивала темная гладь реки.

В последний миг он расправил крылья и слегка затормозил, прежде чем врезаться в реку. Он нырнул глубоко в холодную воду, коснувшись самого дна. Плотно прижав крылья к телу, он начал грести, оставаясь под поверхностью и давая быстрому течению унести его прочь.

В воде Лун двигался не так стремительно, как в воздухе, но в своем крылатом обличье он был быстрее, чем в земном. Плывая вдоль песчаного дна, Лун оставался под водой, пока его легкие не начали разрываться от натуги, и тогда он направился к берегу и толстым тростникам. Тростники венчались большими круглыми листьями, которые хорошо скрывали все, что находилось под ними. Лун высунул лицо из воды ровно настолько, чтобы можно было дышать. Листья также хорошо скрывали и то, что происходило *над* ними, но через несколько секунд Лун увидел, как тварь лениво закладывает круг над рекой. Он надеялся, что она врежется в берег и сломает себе шею, но ему не повезло. Однако он знал, что вода не позволит твари преследовать его по запаху. Тварь, похоже, тоже это понимала. Лун набрал в легкие побольше воздуха, снова нырнул и поплыл.

Он выныривал еще дважды и на второй раз уже не мог разглядеть существо. Все еще осторожничая, Лун оставался под водой, двигаясь по течению до самого лагеря. Оказавшись там, он, не выныривая, принял земное обличье, а затем поплыл к берегу, пока не оказался на мели, где он встал и побрел вверх по крутому склону.

Лун сел на редкую траву над водой, издав тяжелый вздох. С его промокшей одежды текла вода, а спина и плечо болели от того, что он чуть не сложился пополам, стараясь увернуться от когтей твари. Он все еще не посмотрел, зацепила она его или нет.

«Эта тварь нам покоя не даст». — А еще он и все корданцы должны были извиниться перед Такрасом.

Только существо это не было Скверном — Лун это понял, потому что не почуял запах. Оно, наверное, жило на острове, путешествовало вместе с ним и пока еще просто не выходило на охоту. Или оно просто пролетало мимо и решило, что остров — подходящее место, чтобы укрыться и поспать. Лун подумал, что существо, наверное, спало, когда он подлетел к развалинам, иначе он бы услышал, как оно там бродит.

«Идиот, ты мог стать чьим-то ужином». — Если бы существо схватило его в земном обличье, то перекусило бы прежде, чем он успел бы перевоплотиться.

А если оно нападет на лагерь, то будет уже не важно, что это за тварь и откуда она взялась. Она могла убить большинство корданцев до того, как они успеют скрыться в джунглях. Лун должен был их предупредить.

Вот только он не мог просто прибежать в лагерь с криками и поднять тревогу. Если он скажет, что видел ее ночью, сидя у реки... Нет, он слышал, что в лагере было уже не так тихо, как когда он уходил. Ночь выдалась теплая, и другие наверняка тоже сидели или спали под открытым небом. И они скажут, что ничего не видели. Его слова покажутся такими же ненадежными, как и заявления Такраса, и никто к нему не прислушается. Ему придется подождать до завтра.

Когда он пойдет на охоту, то отправится по долине в сторону небесного острова. Так у него появится возможность снова разведать его по воздуху и посмотреть, там ли еще эта тварь и вылезет ли она при свете дня.

«*Осторожно разведать*», — напомнил он себе. Лун не хотел, чтобы его съели до того, как он предупредит корданцев. Но когда он скажет им, что видел в том конце долины то же существо, что и Такрас, им придется принять его всерьез.

Лун устало поднялся на ноги и отжал перед рубахи. Зашагав вверх по крутому уступу берега, он подумал о другой проблеме: что сделают корданцы, когда будут предупреждены?

На этот вопрос Лун не знал ответа. Существо либо изгонит их из долины, либо нет. Он знал, что не может одолеть его в открытом бою. Но если он придумает, как заманить его в ловушку... Так Лун уже убивал нескольких не очень больших кетелей, но и умом они в бою не блистали. А что-то подсказывало ему, что с этой тварью все будет... иначе.

Пробираясь обратно в лагерь, Лун пошел длинным путем, вдоль которого стояло меньше шатров. Все еще размышляя о возможных ловушках и тактике, он подошел к своему жилищу и резко остановился. Едва тлевшие угли их костра были распалены и снова пылали. В их свете Лун увидел, что у входа кто-то сидит. Через мгновение он узнал Илейн и расслабился.

Он подошел к шатру и сел рядом с ней на соломенную циновку.

— Прости, что разбудил. Я ходил к реке. — Это было очевидно, с него все еще стекала вода.

Она покачала головой:

— Я не могла уснуть. — Было слишком темно, и Лун не мог разглядеть выражение лица девушки, но ее голос звучал как обычно. На ней была легкая сорочка, и она взялась за подол, чтобы снять с огня небольшой чайник. — Я делаю чайный отвар. Хочешь?

Он не хотел. Корданцы делали отвар из трав, но на вкус он был похож на обыкновенную тростниковую воду. Однако Лун уже по привычке принимал любую пищу, которую ему предлагали, лишь бы выглядеть таким же, как все. И Илейн почти никогда не готовила, так что он считал, что ради Селис должен поощрять девушку, когда это случалось.

От воды шел пар. Илейн налила ее в покрытый красной глазурью керамический горшок, принадлежавший Селис, а затем передала Луну чашку.

Селис высунула голову из шатра. Растрепанные волосы обрамляли ее лицо.

Марта Уэллс

— Что ты... — Она увидела Луна и выругалась, а затем запоздало прибавила: — А, это ты.

— Хочешь чашку чайного отвара? — невозмутимо спросила Илейн.

— Нет, я хочу спать, — с нажимом сказала Селис и снова исчезла за пологом шатра.

Чайный отвар отдавал тростником больше, чем обычно, но Лун остался и выпил его вместе с Илейн. Он слушал, как она рассказывала о любовных похождениях почти всех других жителей лагеря, а он тем временем вовремя кивал и обдумывал, что завтра утром сказать Даргану. Хотя он слегка удивился, услышав, что Кават спал с двоюродной сестрой Селис, Денирой.

Он не помнил, как уснул.

ГЛАВА

2

Лун не столько проснулся, сколько к нему постепенно вернулось сознание. Он словно спал и видел похожий на явь сон, один из тех, где тело не слушалось его, как он ни пытался им пошевелить. Обычно в таких снах у него рано или поздно получалось вздрогнуть и от этого проснуться на самом деле, но на этот раз ничего не выходило.

Наконец он пришел к себе достаточно, чтобы понять — он лежал на животе, наполовину уткнувшись лицом в толстое войлочное одеяло, пахнущее травами, которые Селис использова-

ла для стирки всех вещей. Его горло пересохло, а тело болело так, как никогда прежде — небольшие искорки боли пробегали по его позвоночнику и по нервным окончаниям растекались к рукам и ногам. Запаниковав, он инстинктивно попытался перевоплотиться, но через миг осознал свою ошибку. Заболев в одном обличье, он останется больным и в другом. А еще он видел дневной свет, пробивавшийся сквозь стену шатра, так что снаружи кто-нибудь мог его заметить.

Однако ничего не произошло. Он так и остался в своем земном обличье.

«Не получилось. Я не могу...» — Он снова попытался. И снова ничего. Его сердце забилося в панике. Он был болен или попал в магическую ловушку, подцепил остатки какой-нибудь заразы, которая убила обитателей небесного острова.

Снаружи шатра, поблизости, слышались голоса: Селис, Даргана и кого-то еще. Илейн среди них не было. С усилием, от которого у него закружилась голова, Лун поднялся на локти. Его позвоночник снова прострелила боль, от которой у него перехватило дыхание. Он попытался заговорить, закашлялся, а затем смог выдавить: — Илейн?

Раздался звук шагов, после чего кто-то схватил его за плечо и грубо перевернул. Дарган склонился над ним, а затем отшатнулся с ужасом и отвращением на лице.

— Что?.. — обескураженно выдохнул Лун. Он знал, что не перевоплотился. Полдюжины охотников втиснулись в шатер, среди них Гарин, Кават и Ильдрас. Кто-то схватил его за запястья и выволок наружу, на дорогу, на жесткую землю. Утренний свет обжег его глаза. Корданцы окружили его, глядя с осуждением и ужасом.

«Я болен, и они меня убьют», — растерянно подумал Лун. Он не понимал, что происходит, но чувствовал, что ответ вот-вот обрушится на него, подобно удару дубины. С трудом он смог сесть. Корданцы отшатнулись от него.

«Нет. О нет, — этого просто не могло быть. Они узнали. Они наверняка узнали».

Дарган снова шагнул к нему. Выражение его лица было суровым, но он не смотрел Луну в глаза. Дарган сказал:

— Девчонка видела тебя. Ты — Скверн, один из демонов.

Да уж, удар дубины был бы быстрее — один короткий миг тупой боли, а затем ничего.

— Я не Скверн. — У Луна сперло дыхание, и ему пришлось замолчать, чтобы перевести дух. Это было дело рук Илейн. — Я не знаю, кто я.

В отчаянии он снова попытался измениться, но ничего не почувствовал.

— Яд действует только на Сквернов. — Дарган шагнул назад, подзывая кого-то жестом.

Яд. Илейн видела, как он перевоплотился, затем вернулась, приготовила яд и спокойно дожидалась его возвращения.

Он услышал торопливый топот шагов, и Селис вдруг очутилась рядом с ним, упав на колени. Глухим, отчаянным голосом она сказала:

— Она проследила за тобой и увидела, как ты меняешься. Тупая сука, наверное, думала, что ты пошел к другой девке. — Корданцы закричали, чтобы Селис отошла прочь.

Учитывая происходящее, это новое откровение почти не потрясло Луна.

— Ты знала.

— Я проследила за тобой еще в первый раз, когда ты ушел ночью. Несколько месяцев назад. Но ты никогда никому не причинял зла и хорошо к нам относился. — Лицо Селис исказилось от горя и гнева. — Она все испортила. Я просто хотела иметь свой дом.

Лун почувствовал, как внутри у него что-то сжалось.

— Я тоже хотел только этого.

Кават метнулся вперед, схватил Селис за руку и рывком поднял ее на ноги. Селис извернулась и ударила его по лицу. Лун едва успел горько порадоваться этому, как остальные напрыгнули на него и прижали к земле.

Одну руку они завели ему за голову, другую придавили чьим-то коленом. Лун брыкался и извивался, но был слишком слаб, чтобы сбросить их. Кто-то схватил его за волосы, запрокинул голову назад и зажал нос, не давая ему дышать. Он укусил первую руку, попытавшуюся разжать его челюсти, но потом кто-то надавил на сустав, и ему пришлось раскрыть рот. Один из нападавших в нужный момент ударил его в живот, и Лун непроизвольно вдохнул, втягивая в себя жидкость. Большая часть попала ему в легкие, но корданцы все равно отпустили его и поднялись на ноги.

Лун перевернулся, кашляя, давясь и стараясь выплюнуть отвар. А затем тьма накрыла его, как одеяло.

Лун то приходил в себя, то проваливался в беспамятство. Он чувствовал, что его несут, и слышал ропот недоуменных голосов, исчезающих вдаль. Солнце слепило его, и против него Лун видел одни лишь силуэты. Он слышал, как ветер шелестит листвой, как стрекочут насекомые, как орут древесные обитатели, как щебечут птицы. Его горло пересохло и першило. Даже сглатывать было больно, и во рту он чувствовал металлический привкус, оставшийся от яда. Тот немного походил на вкус крови Сквернов.

Те, кто его нес, вдруг резко повалили его на землю. Каменистая земля и сухая трава поднялись и ударили его по затылку. Из-за встряски Лун почти полностью пришел в сознание. Они оказались на большой каменистой поляне, окруженной высокими, стройными перистыми деревьями, которые росли на верхних склонах долины. Он перевернулся, пытаясь сесть, и кто-то толкнул его ногой в спину, снова придавливая к земле.

«Ну все, достаточно». — Ярость придала ему сил, он ухватился одной рукой за чью-то лодыжку и дернул. Кто-то тяжелый с глухим ударом и со стоном рухнул на землю, больше не придавливая Лун своим весом. Лун попытался подняться на ноги, но смог лишь встать на четвереньки, после чего мир вокруг него покачнулся. Он опустился на землю — ему едва хватило сил, чтобы хоть немного приподняться. В отчаянии он снова попытался перевоплотиться. И снова ничего не произошло.

Затем последовал удар в живот. Лун повалился на бок и свернулся калачиком от боли, хватая ртом воздух.

Кто-то схватил его за правую руку и поволок в сторону, а затем больно защелкнул на запястье что-то металлическое. Лун с трудом открыл глаза и затуманенным взором увидел кандалы и цепь. Он и не знал, что у корданцев были цепи. У них не хватало даже больших котлов для варки, и они потратили драгоценный металл на цепи?

Лун лежал на спине в грязи с задранной до самых подмышек рубашкой, и мелкие камушки больно впивались ему в кожу. Судя по солнцу, была середина утра, может, ближе к полудню. Он почувствовал резкий рывок цепи, повернул голову и увидел Гарина и Вергана, вбивавших в землю большой металлический кол. Лун с хрипом набрал в грудь воздуха и выдавил из себя:

— Я никогда не делал вам ничего плохого.

Верган неуверенно замер, но Гарин покачал головой и продолжил забивать кол. Через несколько секунд Верган тоже принялся за работу.

Наконец Верган шагнул назад, и Гарин еще раз дернул за цепь, чтобы убедиться, что она надежно закреплена. Они отошли, а затем быстро перебежали поляну. Лун увидел, как они присоединились к другим корданцам, которые ждали под деревьями, а затем вся группа скрылась из глаз.

«Я все еще жив», — напомнил себе Лун, но радоваться этому пока не очень-то получалось. Он приподнялся, перевернулся... и замер, глядя на свою руку.

По его кистям и рукам шел едва заметный узор чешуи — его чешуи. Он сел и, оттянув ворот рубахи, посмотрел вниз. Она была везде — едва заметный темный узор под кожей, скрываемый только порослью темных волос на груди и предплечьях. Он потерял свои кисти и руки, но ничего не почувствовал.

«Ого. Это... странно». — Должно быть, так на него подействовал яд. Вдруг почувствовав себя неудобно в собственной шкуре, он беспокойно заерзал, потер руками лицо, провел пальцами по волосам, но все остальное, похоже, было в норме.

По крайней мере, теперь он знал, почему корданцы были так уверены. Они не просто поверили Илейн на слово.

«Илейн...» Сейчас он не мог о ней думать. «Потом». Он попытался расстегнуть наручник на запястье и потянул за цепь, ища слабые звенья.

Солнце нещадно палило сверху, и от земли поднимался жар. Высокие перистые деревья и кустарники, росшие по краю поляны, не пропускали прохладный ветерок, создавая такую жару, которая стала бы пыткой для настоящего земного обитателя. Проверая каждое звено цепи на прочность, Лун краем глаза тревожно следил за тенью под деревьями. Корданцы все еще прятались где-то там и наблюдали.

Цепь была сработана не очень умело, но она не поддалась, даже когда он уперся ногой в кол и навалился всем весом. Тогда он забросил это дело и начал разрывать сам кол. Земля была жесткой, плотной и перемалалась обломками камней, так что работа продвигалась медленно. А еще Лун беспокоился о том, что корданцы решат, будто он вот-вот сбежит, и оглушат его ударом по голове. Повинуясь инстинкту, он продолжал попытки перевоплотиться и всякий раз, когда ничего не про-

исходило, нетерпеливо рычал на самого себя. Когда-нибудь же действие яда должно было пройти.

«Если только оно не навсегда». Эта мысль смутно маячила в его сознании с самого начала, но когда Лун облек ее в слова, стало только хуже. Он почувствовал холодный ком в горле, и ему стало трудно дышать. Он не мог жить только в облике земного создания. Не таким он родился. Он был какой-то причудливой смесью небесного и земного. Потерять любое из двух обличий было все равно что потерять ноги.

Он даже не знал, что такой яд существует. Скверны изгнали корданцев из их родных земель в Киаспуре, и старейшины рассказывали истории о битвах с ними, но никто никогда не упоминал о яде или о том, что они взяли его с собой в изгнание.

«Но даже если бы ты и знал, ты бы не подумал, что он так на тебя подействует», — угрюмо напомнил он самому себе. Лун знал, что не был Скверном.

И он бы никогда не подумал, что Илейн так с ним поступит.

Его пальцы уже ныли от усталости и кровили, а яма в твердой земле вокруг кола никак не желала становиться глубже. Лун выкопал несколько камней размером с кулак и положил их рядом, но другого оружия у него не было. Он встал и снова навалился всем своим весом на цепь, раскачивая ее туда-сюда. Вдруг он осознал, что птицы замолкли. Он резко поднял голову и, медленно поворачиваясь, взгляделся промеж деревьев.

На противоположной стороне поляны что-то зашуршало в кустах, двигаясь глубоко в тени. Лун зашипел от страха.

«Сейчас все станет только хуже».

Он снова бросился на землю и, стиснув зубы, продолжил неистово копать. Больше он ничего не мог сделать. У него было два камня, и он все еще оставался прикован к этому столбу. Ничего хорошего это ему не сулило.

Из джунглей вышел гигантский варгит. Он был не похож на своих сородичей поменьше, которые жили в долине у реки и на которых корданцы охотились, чтобы добыть себе пропитание. В высоту он был не меньше двенадцати шагов, с длинным и острым клювом, а его яркие голодные глаза смотрели прямо на Луна. Темно-зеленые перья спускались к его животу, становясь там коричневыми, а его неразвитые крылья по форме напоминали крюки, и он мог вытягивать их, чтобы схватить добычу.

Лун присел и схватил первый камень. Он знал, что мог бы разделаться с гигантским варгитом — с воздуха, во втором обличье. Но так, безоружный, прикованный к столбу, он мог лишь заставить варгита попотеть ради своего завтрака.

Существо склонило голову набок, чувствуя, что добыча будет сопротивляться, и осторожно направилось к нему. Лун подождал, когда варгит окажется в десяти шагах, а затем швырнул первый камень.

Камень отскочил от головы варгита, и тот отшатнулся назад, пронзительно вскрикнув. Но у Луна не получилось расколоть прочный череп, а если и получилось, варгиту было все равно. Он присел, вытянув шею и приготовившись к прыжку.

Затем что-то большое и темное врезалось в землю. Поток воздуха отшвырнул варгита в сторону и опрокинул Луна на спину.

Он поднял голову, затем поднял ее еще выше и уставился на существо с небесного острова.

С такого ракурса оно казалось еще огромнее, более чем в три раза крупнее самого Луна, но на нем было трудно сосредоточить взгляд. Лун уловил змееподобное движение длинного хвоста; шипы или щупальца, вставшие дыбом вокруг головы; прямое, длинное, узкое тело с широкой грудью и гигантскими крыльями. А затем существо быстро метнулось вперед.

Огромная когтистая рука протянулась Луну за спину, схватила цепь и порвала ее.

«Бежать», — потрясенно подумал Лун, спешно поднимаясь на ноги, чтобы броситься прочь.

Удар в спину швырнул его на землю, и что-то тяжелое придавило его. Он начал бороться и извернулся — одна когтистая рука гиганта прижимала его к земле. Другая же схватила оглушенного варгита поперек туловища, крепко сжав его.

Из-за деревьев послышались крики Даргана, и полдюжины стрел ударились о чешую существа. Оно подняло барахтающегося варгита и швырнуло его в сторону джунглей. Лун не видел, куда приземлилось животное, но испуганные вопли корданцев и треск ломающихся ветвей были хорошим знаком. Лун успел подумать, швырнет ли существо и его тоже и сможет ли он пережить это так же хорошо, как варгит. Затем рука, прижимавшая его к земле, изменила положение и крепко обхватила его за талию. Лун отчаянно потянул за когти существа, понимая, что оно вот-вот переломит его на пополам.

Затем гигант поднял его с земли и прижал к груди. Лун почувствовал, как напряглись большие мышцы его торса, а затем он взмыл в воздух.

Лун непроизвольно закричал от страха, но чешуя существа, в которую он уткнулся, заглушила вопли. Мимо него проносился ветер, холодный и порывистый, а когда он повернул голову, то смог увидеть лишь суставы в месте, где из тела существа росли крылья. Он понял, что они поднялись высоко в воздух, и пришел в ужас. Раньше он летал только сам, на своих крыльях, и теперь ему пришлось бороться с подкатившей тошнотой.

Они летели долго, по крайней мере, достаточно долго, чтобы покинуть долину. Но Лун точно не знал, сколько прошло времени. Воздух был ледяным. Лун пытался сосредоточиться на собственном дыхании и не думать о том, что произойдет, когда гигант призем-

лится. Его чешуйки были толстыми, но плотно прилегли друг к другу, прямо как чешуя крылатого облика Луна. По их виду было трудно сказать, насколько они крепкие. Лун тихонько зарычал, жалея, что не может выпустить когти.

Он трясся и почти окоченел от холода, когда существо наконец замедлилось. Угол их полета изменился, и Лун понял, что существо выгнуло крылья наподобие паруса, готовясь приземлиться. Оно перехватило его поудобнее, и Лун повернул голову, щурясь против ветра. Впереди промелькнула квадратная каменная башня с наклонными стенами, стоявшая на краю ущелья с рекой. Затем они стали спускаться к ней.

Существо приземлилось на широкую плоскую крышу башни и опустило Луна на пыльные каменные плиты. Его ноги задрожали и подкосились, и он тяжело осел на пол. Темное гибкое создание нависло над ним, и даже теперь, когда оно оказалось так близко, его было трудно разглядеть. Лун уперся ногами в пол и спешно пополз назад, угрожающе шипя. Существо принесло его сюда, чтобы разорвать на части, но он не собирался сдаваться без боя.

Существо смазалось перед его взором, словно темный силуэт вдруг оказался соткан из тумана и дыма. А затем он пропал, и на месте гиганта оказался высокий худой мужчина с седыми волосами и выразительными чертами лица, покрытого морщинами от старости. Одет он был во все серое.

Лун уставился на него, тяжело дыша. Затем он бросился на незнакомца, пытаясь схватить его за горло. Но новый прилив ярости лишь позволил ему вскочить на ноги — незнакомец шагнул в сторону, увернувшись, и Лун рухнул на четвереньки.

В следующий миг незнакомец изменился. Огромное темное существо присело, расправляя крылья. Лун отшатнулся, но существо взмыло в воздух. Прищурившись от внезапного порыва ветра, поднявшего пыль и грязь,

Лун увидел, как оно полетело в сторону и вниз, скрывшись за парашютом башни.

«Еще один оборотень. — Лун выругался и сел, протирая глаза от пота и пыли. Наручник на его запястье зазвенел цепью. — Поверить не могу».

Он посмотрел по сторонам. Башня была заброшена, и по ней гулял холодный ветер. Камни потрескались, в щели забились пыль и грязь, и все поросло сорняками. Он не видел ни способа спуститься вниз, ни двери, которая бы вела внутрь строения.

Парапет башни состоял из округлых зубцов, заслонявших ему обзор. Лун неуклюже поднялся на ноги, и его замутило от остаточного действия яда. Пошатываясь из стороны в сторону, он подошел к парапету, направляясь туда, где один из зубцов сломался и отвалился. Вцепившись израненными пальцами в крошащийся камень, он подтянулся ровно настолько, чтобы заглянуть за него. Башня стояла на краю ущелья, окруженная деревьями, стелившимися корнями по камням, и другой растительностью, а вокруг со всех сторон возвышались скалы. Потом Лун посмотрел вниз.

До земли было далеко. Башня в высоту достигала ста шагов, и хотя ее стены были покатыми, они все равно казались слишком крутыми, чтобы можно было по ним спуститься. Будь у Луна его когти и не будь он в полумертвом состоянии, возможно, у него бы получилось. Впрочем, будь у него когти, у него были бы и его крылья, и такой проблемы перед ним вообще бы не стояло. Он снова попытался перевоплотиться — вдруг за последние секунды яд каким-то чудесным образом перестал действовать.

— Не упали.

Губы Луна изогнулись в оскале. Он обернулся, прильнув к стене, чтобы не упасть. Оборотень стоял прямо за ним. Страшно хрипя, Лун сказал:

— Смешно тебе, да?

Оборотень лишь протянул ему небольшой бурдюк, сделанный из ярко-голубой кожи какого-то существа. Луну понадобилось несколько секунд, чтобы понять — оборотень хочет, чтобы он из него отпил. Лун покачал головой:

— Именно так я в эту ситуацию и попал.

Оборотень приподнял серые брови, а затем пожал плечами. Он запрокинул бурдюк и сам сделал глоток.

— Это всего лишь вода.

«Засунь себе свою воду...» — хотел было сказать Лун, но затем вдруг осознал, что собирался говорить не на альтанском, и не на кедайском, и не на любом другом распространенном среди земных народов наречии. Они оба говорили на языке, который был Луну роднее всех прочих и который он не слышал с тех пор, как был мальчишкой. Это было слишком необычно, очередное потрясение вдобавок ко всему произошедшему. Так что он просто сказал:

— Чего ты хочешь?

Оборотень смотрел на него с бесстрастным выражением. Его глаза были голубыми, но на правом виднелось бельмо, и его зрачок не фокусировался.

— Просто пытаюсь помочь, — сказал он. Даже тон его голоса ничего не выдавал.

Лун скорчил гримасу, не впечатлившись ответом.

— На небесном острове ты пытался меня убить.

— Я пытался тебя поймать, — подчеркнуто поправил его оборотень. — Просто хотел рассмотреть тебя поближе. — Его взгляд оценивающе скользнул по Луну.

«Он стар», — подумал Лун, не зная, что именно во внешности незнакомца сказало ему об этом. Он был намного старше, чем казался в своем земном обличье. Почти все в нем поблекло и стало серым — кожа, волосы, одежда. На нем была свободная рубаша с закатанными рукавами, штаны из какого-то материала поглубже, тяжелый кожаный пояс с сумкой и ножнами. Незнакомец сказал:

— Я — Утес из двора Тумана Индиго.

Лун оттолкнулся от парапета, все еще пошатываясь на ногах. Он никогда не слышал о таком месте — если речь вообще шла о месте.

— Ты убьешь меня или просто оставишь здесь?

— Я не собирался делать ни того, ни другого. — Утес шагнул прочь, отвернулся и пересек крышу. На грязных плитах лежал тяжелый кожаный мешок, груды сломанных веток и куски дерева. Скорее всего, Утес прятал припасы где-нибудь в башне, и его впечатляющее перевоплощение и исчезновение были нужны для того, чтобы слетать и за ними, и за деревом. — Так чем тебя опоили?

— Они сказали, что это яд, который действует только на Сквернов. — Лун настороженно пошел за ним. Раньше он уже встречал других оборотней. Как-то он столкнулся в Цинте с теми, кто мог перевоплощаться в огромных хищников, похожих на волков. Они тоже пытались его съесть. Но он никогда не слышал об оборотнях, которые умели летать. Если только не считать Сквернов. Но Утес не был Скверном. «О том, что он оборотень, ты тоже не догадывался», — напомнил себе Лун и вслух сказал: — А я не Скверн.

Утес приподнял брови:

— Я заметил. — Он сел на пятки, ломая дерево, чтобы сложить костер. Как и Лун, он был босой. — Яд, который действует на Сквернов? Я о таком никогда раньше не слышал.

Лун осторожно опустился на пол и сел в нескольких шагах от него, поморщившись от боли в спине и плече. Парапет немного защищал от холодного ветра, но тонкая материя его промокнула от пота одежды, хорошо служившая Луну в теплой долине, здесь не спасала вообще. Раз Утес не убил его до того, как яд перестал действовать — если он вообще перестанет действовать, — то... Нахмутив брови, Лун посмотрел вниз, на

свои руки, все еще покрытые призрачным чешуйчатым узором, видневшимся под его бронзовой кожей.

«О, я все понял, — утрюмо подумал он. — Просто хочет помочь, значит. Ну конечно».

— Почему они на тебя ополчились? — Утес разломал мелкие веточки для розжига. — Поймали, когда ты воровал их скот?

Лун перебрал в голове возможные ответы, стараясь не поеживаться от пронизывающего ветра. Он мог ничего не говорить, но разговоры могли отвлечь Утеса. Лун попытался ответить, и ему пришлось прокашляться:

— Я с ними жил. Они выяснили, кто я такой.

Утес мельком взглянул на него и снова протянул бурдюк. От плеска воды внутри пересохшее горло Луна засаднило. Он поддался соблазну и, не сводя глаз с Утеса, сделал большой глоток, затем закашлялся и вытер рот. Тепловатая вода слегка смягчила боль в его горле. Он закрыл бурдюк костяной крышкой и отложил его в сторону.

Утес попытался разжечь костер. Он закрыл хворост кусками древесины покрупнее и стал высекать искры трутом, как это делало любое другое разумное создание. Лун пытался сопоставить этот образ с существом, которое швырнуло гигантского варгита в корданцев. Наконец жгучее любопытство побороло осторожность, и он спросил:

— Что ты за существо?

Утес недоверчиво посмотрел на него из-под бровей:

— Ты головой ударился? — Лун не ответил, и лицо Утеса приобрело задумчивое выражение. Он сказал: — Я — раксура. Как и ты.

— Я... — начал было Лун, на затем понял, что не знает, как закончить это предложение. Он никогда не знал, откуда он или как назывался его народ. «И Утес говорит на языке, которому тебя научила мама». Лун не хотел в это верить. Но если это и была какая-то уловка, то она была откровенно безумной. «Он пытается убедить меня,

что не затащил меня сюда для того, чтобы убить, или же...» Лун не знал, что и думать. Поэтому он лишь недоверчиво спросил: — Тогда почему ты намного больше меня?

— Я стар. — Утес нахмурился, глядя на него так, словно Лун нес какой-то бред. — Из какого ты двора? Где твоя колония?

Несколько секунд Лун взвешивал, стоит ли ему сказать, что есть те, кто придет к нему на помощь, или же Утес станет пытаться его, чтобы выяснить, где они находятся. Нет, оно того не стоило. Он признался:

— Я жил с матерью, братьями и сестрой. Они все давно погибли.

Утес поморщился, а затем стал снова разжигать костер. Когда хворост и маленькие сучья загорелись, он сел поудобнее, осторожно подкладывая сломанные веточки.

— Где это произошло, на востоке? За Абассинской губой?

Он наверняка гадал. И попал почти в точку.

— Еще дальше.

— Так далеко на востоке было несколько дворов. Я думал, они все пали и вернулись в Пределы, но, может быть, я ошибся. — Утес задумчиво поворошил хворост. — Та женщина, которую ты назвал матерью, она была правящей королевой?

Лун пристально посмотрел на него.

— Нет, — медленно сказал он, даже не пытаясь скрыть того, что он считает вопрос идиотским. — Мы жили на дереве.

Утес лишь приобрел недовольный вид.

— Как она выглядела?

«Неужели он думает, что знал ее?» — недоверчиво подумал Лун. Что ж, по крайней мере, этот разговор отвлекал его от холода и неминуемой гибели.

— Так же, как и я. — Тут он вспомнил, что сейчас выглядит как земной обитатель с чешуйчатым узором под

кожей, и пояснил: — Когда она менялась, то становилась похожа на мое другое... воплощение. С крыльями. И она была темно-коричневой, с красными отблесками на чешуе.

Утес покачал головой и наклонился, чтобы развязать мешок и залезть в него.

— Она не была твоей матерью.

Лун поджал губы, чтобы не выпалить первое, что пришло ему в голову, а затем отвел глаза. Глупо вступать в бессмысленные споры с тем, кто собирается тебя убить.

Утес вытащил небольшой котелок для готовки, старенький, но украшенный по краям рельефными узорами из другого металла.

— Крылатые женщины такой расцветки — это воительницы, и они не могут иметь детей. Плодовиты только королевы и женщины-арборы. — Лицо Луна, по-видимому, выражало глубочайшее сомнение, потому что Утес немного ожесточенно добавил: — Не надо на меня так смотреть. Мы — раксура. Такова наша природа.

Лун уставился на огонь, стараясь придать своему лицу уклончивое выражение. Он не мог понять, действительно ли Утес считал, что Лун — раксура, или он просто пытался втереться к нему в доверие. При первой мысли у Луна по коже побежали мурашки. А вторая... хотя бы была ему понятна.

«Он хочет, чтобы ты сидел здесь, пока не закончится действие яда, и думал, что ничего не случится».

Утес налил в котелок воду из бурдюка и поставил его греться на огонь.

— Эта воительница, она не говорила, откуда ты родом?

— Нет.

Взгляд Утеса ожесточился:

— Она вообще тебе ничего не говорила?

Лун сложил руки на груди и отвернул голову. Начинать разговор явно не стоило.

— Скорее всего, она тебя украла.

Лун стиснул зубы. «Мало того, что он хочет тебя съест, так еще и оскорбляет твою мертвую мать».

Утес с жаром добавил:

— Она даже не рассказала тебе, как мы размножаемся. Это же...

Это задело Луна, и он ответил:

— Я был ребенком. Задумываться о потомстве было как-то рановато.

Утес какое-то время смотрел на него, а затем повернулся и снова заглянул в мешок.

— Так давно, значит. Понятно. — Он вытащил кожаный сверток. — С тобой были четверо? Младше тебя?

Лун прищурился, не понимая, откуда Утес это знает.

— Да.

Утес ответил на незаданный вопрос:

— Я просто предположил. В выводке обычно пятеро детей. Крылья у них были?

— Нет. — Первые несколько циклов, проведенных в одиночестве, Лун только и делал, что искал себе укрытие, охотился и старался не стать добычей других хищников. И все это время он думал лишь о том, насколько счастливее могла быть его жизнь, если бы остальные все еще были с ним. Одиночество вынудило его отправиться на поиски поселений земных обитателей, что поначалу заканчивалось весьма плачевно. А потом он научился притворяться одним из них. Точнее, он думал, что научился. События последних суток явно доказывали обратное. Лун тяжело вздохнул: — Крылья были только у меня.

Утес кивнул. Он развернул кожаный сверток, достал темную плитку спрессованного чая и соскоблил немного в кипящую воду.

— Раксура без крыльев называются арборами. Женщины могут давать потомство, и от них рождаются как другие арборы, так и воины. — Он покачал головой и признался: — Я не знаю, почему так. Один наставник когда-то мне объяснял, но то было много циклов назад,

да и сложно все это. Так вот, арборы делятся на солдат, охотников и учителей. Они следят за порядком в колонии, воспитывают детей, ищут пропитание, охраняют землю. — Он пожал плечами: — В общем, заправляют всеми делами в колонии. Еще среди них есть наставники, но, чтобы ими стать, нужно родиться с особым даром. — Он поднял голову и посмотрел Луну в глаза: — Мы — окрыленные. Мы защищаем колонию.

Лун не сдержался и горько усмехнулся:

— Перестань говорить «мы».

Утес пропустил его слова мимо ушей. Он вытащил из мешка чашку и сказал:

— Ты пить будешь?

Лун уставился на него, не веря своим ушам, а потом покачал головой:

— Ты думаешь, я совсем дурак?

— Что? — Утес сердито помахал чашкой. — Это чай. Ты же видел, как я его готовлю.

Лун решил, что мог бы и дальше играть в эту игру, но она стала ему невыносимой. Он отодвинулся от Утеса и поднялся на ноги.

— Знаешь, лучше убей меня сразу, чтобы не забалтывать до смерти.

Утес с досадой поморщился:

— Если бы я хотел тебя убить...

— Ты просто ждешь, когда яд перестанет действовать. Если ты сожрешь меня, пока он еще во мне, то тоже не сможешь перевоплощаться.

Утес швырнул мешок на пол, встал и изменился.

Лун отшатнулся назад, но Утес взмыл в воздух, поймал поток ветра, накренился и спикировал вниз. Лун потерял его из виду и заозирался, стараясь следить за небом и за всеми сторонами башни сразу.

Он ждал, но Утес не появлялся.

Настороженно, вздрагивая от каждого шороха, Лун снова осмотрел крышу, пытаясь найти какой-нибудь путь вниз. Он нашел остатки люка, но проем был забит

камнями и цементом, словно его нарочно заложили с другой стороны. Словно те, кто изначально жил в этой башне, старались замуровать себя изнутри. Лун подумал, выжил ли кто-нибудь из них или эта башня стала их гигантской гробницей.

Наконец, поживаясь от холода, он вернулся к огню. Он положил в него еще веток, снова распаляя костер. А затем начал рыться в мешке Утеса.

В нем не нашлось никакого оружия, если не считать маленького тупого ножичка для чистки фруктов. Внутри лежала еще одна чашка с такими же узорами, как на котелке, несколько пустых бурдюков и кожаные свертки, в которых лежала еда. Причем ничего существенного там не было, только сушеные лаймы, орехи, еще две плитки спрессованного чая и несколько сломанных кусков сахарного тростника. Лун развернул последний кожаный сверток, ожидая, что и в нем окажется что-нибудь съедобное, но вместо этого увидел тяжелый браслет из красного золота. Подняв его на свет, он разглядел выгравированный на нем узор — волнистое изображение, похожее на переплетенных змей.

Лун покачал головой, дивясь содержимому мешка. Он снова завернул браслет и вместе со всем остальным положил его обратно. Кем бы ни был Утес, ему явно не приходилось притворяться земным созданием — у него почти не было полезных припасов для путешествия и жизни на земле. И он, по-видимому, был достаточно силен, чтобы долго оставаться в своем крылатом облике.

«Может быть, он хотел, чтобы я это увидел? — Утес наверняка знал, что Лун обыщет мешок, иначе он бы его здесь не оставил. — Значит, он не врет о том, что пришел из какой-то общины оборотней».

Лун никогда о такой не слышал, но Три Мира были огромны. И хотя Лун мог путешествовать быстрее и дальше любого земного обитателя, он видел лишь крошечную частичку Миров.

Лун откинулся назад и потер наручник, натиравший ему запястье. Подул ветер, разметавший искры из костра. Вечер еще не наступил, но уже холодало. Даже если бы ему и удалось сбежать от Утеса, то он бы не улетел далеко и не смог бы долго поддерживать крылатый облик. Его куртка из промасленной кожи и плащ с капюшоном остались в шатре в лагере корданцев, как и все остальные пожитки вроде хороших стальных ножей для охоты и разделки туш, которые он выменял в кузне Каргаса. Не считая вещей, которые он получил от корданцев, там были его огнива, бурдюки, одеяла и лук с колчаном, которые он держал для виду, чтобы объяснить свои охотничьи успехи. Когда он не притворялся земным обитателем, некоторые из этих предметов были ему не нужны. Но теперь ему придется как-то перебираться через эти горы вообще без припасов.

Раздался шум рассекаемого воздуха. Лун поднял голову и увидел высоко в небе Утеса. Тот приближался к башне. Лун едва успел встать и отойти от костра. Утес спикировал вниз и уронил на плиты тушу зверя, почти такого же большого, как крас, с толстой блестящей шкурой и лапами вместо копыт.

Утес легко приземлился на ноги, а затем принял земной облик. Все еще сердясь, он махнул рукой в сторону мертвого животного:

— Вот его я собираюсь съесть. А в тебе что? Одни кожа да кости.

Он был прав, но Лун требовательно спросил:

— Тогда чего ты от меня хочешь?

Утес подошел к костру и нахмурился, глядя на него. Когда он заговорил, в его голосе уже не было раздражения:

— Я хочу, чтобы ты вернулся со мной к моему двору.

Этого Лун не ожидал. Ему понадобилось несколько секунд, чтобы понять, что он все правильно услышал.

— Зачем?

Все еще глядя в огонь, Утес сказал:

— Я искал воинов, готовых присоединиться к нам. Наше последнее поколение... почти не дало потомства. Я летал в колонию на востоке, ко двору Звездного Сияния. Но я не смог уговорить никого вернуться со мной. — Он поднял глаза со слегка насмешливым выражением. — Или у тебя были какие-то другие планы?

Лун просыпался медленно. Его тело не хотело шевелиться, а голова — соображать. Он не слышал ни Илейн, ни глубокого дыхания Селис, ни шума пробуждающегося вокруг лагеря. Он лежал на боку, свернувшись калачиком и подложив руку под голову. Его тело затекло и болело от лежания на грязных плитах, но ему было тепло. Он потер лицо и прищурился, глядя на раскинувшийся над ним шатер... и вдруг замер, окончательно проснувшись. Это был не шатер. Это было крыло. Крыло Утеса.

«Точно. Вчера твои друзья пытались тебя убить». Наручник все еще висел у него на запястье, натертом до крови.

Лун перевернулся на спину и уставился на крыло Утеса. Утренний свет проникал сквозь темную чешуйчатую мембрану, приобретая красноватый оттенок. Он не видел других крыльев, кроме своих, с тех пор как погибла его мать. Сейчас, вблизи, он мог разглядеть шрамы, старые зажившие рубцы в местах, где чешуя была разорвана. Передний край крыла все еще выглядел острым как бритва, но складки кожи у суставов сморщились и огрубели. Кожа Луна в этих местах была гладкой — по крайней мере, он на это надеялся. Как и на то, что все еще может перевоплотиться.

Они провели ночь на вершине башни, почти не разговаривая. Лун не знал, как ответить на предложение Утеса и было ли оно сделано всерьез. Утес заявил, что устал с ним спорить и что они поговорят об этом утром, когда Лун перестанет быть таким невменяемым — точнее, Утес надеялся, что перестанет. Немного поспав, Лун

был готов признать, что вел себя немного дергано, но ведь у него выдался тяжелый день.

«Впрочем, все позади. Надеюсь». — Лун закусил губу и посмотрел на свои запястья. Рисунок чешуи был незаметен, по крайней мере, в таком освещении. Он надавил большим пальцем на предплечье, отгоняя кровь, но все равно ничего не увидел. «Хорошо. Это хорошо». Он знал, почему колебался. Если он попытается перевоплотиться и ничего не произойдет... Но, оттягивая этот момент, он ничего не менял. Глубоко вдохнув, Лун попытался измениться.

Он почувствовал, как изменения медленно собираются в его груди. Возможно, дело было в его сомнениях, или же он просто боялся. А затем Лун ощутил, как его кости стали легче, как чешуя зашкрипела по плитам, почувствовал вес сложенных крыльев и своего хвоста. На несколько секунд он свернулся калачиком, и облегчение нахлынуло на него пьянящей волной.

Судя по глубоким, ровным вдохам, Утес все еще спал или хорошо притворялся. Лун пополз к краю его большого крыла, а затем вылез из-под него.

Освободившись, он встал и потянулся, встряхивая шипами и гребнями. Утренний свет ярко сверкал на снежных шапках гор, а морозный воздух бодрил. Пока они спали, никто не потревожил крышу башни, если не считать нескольких птиц-падальщиков, обгладывавших останки речного зверя.

Наручник все еще висел у Луна на запястье. Он подцепил когтями замок, поморщившись, когда металл врезался ему в чешую. Он осторожно давил, пока замок не сломался и наручник не спал.

Лун пересек крышу и запрыгнул на парапет, вонзая когти в крошащийся камень. С головокружительной высоты он посмотрел вниз, на камни. А затем расправил крылья и нырнул вниз.

Он пролетел вверх и вниз по ущелью, разминая крылья, борясь с порывистым ветром и чувствуя тепло

солнечных лучей на своей чешуе. Полетав, Лун проголодался.

Ловя воздушные течения, он спустился к реке. Стремительный поток бурлил по обрушившимся камням и мелководью, но дальше, где русло становилось шире и глубже, река успокаивалась. Лун нырнул в воду, которая в земном обличье показалась бы ему ледяной, и поплыл вдоль дна. Он нашел медлительный косяк рыб — каждая длиной почти в три шага, жирные, тяжелые и со струящимися переливчатыми плавниками. Лун схватил одну и снова взмыл в воздух.

Пока он не знал, навсегда ли его покалечил яд или нет, думать о предложении Утеса не было смысла. Теперь же... Лун задумался. Он уже давным-давно перестал искать своих сородичей, предположив, что если где-то и были ему подобные, то они затерялись на просторах Трех Миров и найдет он их лишь по непредвиденной случайности. И вот такая непредвиденная случайность произошла.

Но чтобы пойти с Утесом, Лун должен был ему довериться. Он окажется в большой общине оборотней, о которых, даже будучи — наверное — одним из них, Лун ничего не знал. Если они окажутся такими же кровожадными и жестокими, как Скверны, Лун мог попасть в ситуацию, где ему придется бороться за свою жизнь.

Еще он мог отправиться на поиски очередного поселения земных обитателей и начать все заново — заново совершать ошибки и подвергаться опасности. В ту минуту Луну больше всего хотелось улететь прочь одному, охотиться и путешествовать, а не жить в постоянном напряжении, оглядываясь на других. Ему надоело всякий раз сближаться с земными созданиями вроде корданцев, доверять им и знать, что это не будет значить ровным счетом ничего, если они узнают, кто он такой.

Но и одиночество ему тоже надоело. Он уже много раз через это проходил: принимал решение жить один,

а затем через несколько месяцев доходил до отчаяния, желая обрести хоть какую-нибудь компанию.

Он поймал уже пятую рыбу и, всплыв, заметил, что не один. Утес в земном обличье полулежал на большом плоском камне у берега. Откинувшись назад, на локти, он подставлял лицо солнцу. Нарочно двигаясь неторопливо, Лун ударил рыбой о камень, чтобы ее убить, закончил есть, а потом вернулся в воду, чтобы смыть со своей чешуи ее внутренности. Затем он снова всплыл на мели у камня, где сидел Утес, и почистил когти о песчаное дно.

Все еще загорая, Утес сказал:

— Знаешь, а ты ведь не должен это делать. Раксура таким не занимаются.

— Раксура не моются? — сухо сказал Лун, нарочно делая вид, что не понял его. Он стряхнул воду с крыльев, разбрызгивая ее по берегу. — Тогда нам не по пути.

Утес сел и иронично посмотрел на него:

— Конечно, моемся. Но мы не ловим рыбу. Не таким способом.

Лун забрался на камень и сел на краю, чтобы свесить расправленные крылья и дать им высохнуть. Солнце грело, но ветер все еще был холодным, и если бы Лун принял земной облик прямо сейчас, то оставшаяся на чешуе вода намочила бы его одежду.

— Почему вы не ловите рыбу?

— Не знаю. Наверное, рядом никогда не было рыбных мест. — Утес прищурился, глядя на него: — Вот что, перед тем как я отправлюсь домой, мне осталось посетить еще один двор. Ты полетишь со мной?

Лун посмотрел на противоположную сторону реки. Маленькие водоплавающие ящерицы растянулись на камнях на берегу, дожидаясь, когда двое уйдут, чтобы полакомиться остатками рыбы Луна.

— Если ты искал других раксур, то зачем пришел в долину?

Вопрос, похоже, ни капли не смутил Утеса.

— Я возвращался обратно, остановился, чтобы отдохнуть, и уловил чей-то запах. Оказалось, что это ты. Запах был слабым, потому что ты был в земном облике. — Он пожал плечами: — Я решил, что подожду несколько дней, осмотрюсь. Вдруг здесь есть небольшая колония, о которой я раньше не слышал.

Лун не почувствовал запах Утеса. Но это могло означать лишь то, что чутье Утеса было острее и намного сильнее, как и его крылатое обличье. А еще Лун продолжал дивиться тому, как непривычно ему было разговаривать с кем-то в крылатом облике. Он уже забыл, что так его голос звучит по-другому — глубже и с хрипотцой. Луну нравилось, что ему не нужно скрываться.

Он с досадой вздохнул. В конце концов, даже если он согласится пойти с Утесом, это еще не значит, что он останется в его колонии. И Лун знал, что пожалеет, если упустит эту возможность. Он сказал:

— Я полечу с тобой.

Если Утес и испытал облегчение, Лун этого не увидел. Утес лишь кивнул и сказал:

— Хорошо.

ГЛАВА

3

Оказалось, что, несмотря на внешнюю невозмутимость, Утес торопился.

Колония, которую он хотел посетить, по его словам, находилась на востоке, по пути ко двору Тумана Индиго. Он и Лун полетели вниз по ущелью реки, ловя порывы дувшего над ней сильного ветра, а затем свернули, чтобы пересечь горы. Они пролетели над другими полуразрушенными башнями, стоявшими на каменистых уступах, подобно часовым, но не увидели никаких обитаемых поселений.

Лун подозревал, что Утес за это время мог пролететь вдвое большее расстояние, но он, похоже, был не против скользить рядом на самой большой скорости, какую мог развить Лун. Сам Лун лишь радовался тому, что Утес не просил его лететь быстрее, ведь он привык проводить большую часть времени в земном обличье и уже больше половины цикла не проводил столько времени в другом виде, да и не совершал таких больших перелетов. Уже после полудня его спина болела так, словно он весь день таскал камни. Что ж, боль хотя бы отвлекала его от мыслей о корданцах. Каждый раз, думая об Илейн, Лун словно бередил свежую рану, но при этом он надеялся, что Селис в порядке и что она нашла себе дом или хотя бы кого-нибудь, кого могла терпеть.

Когда солнце село, они наконец остановились передохнуть на гряде, в защищенной пещере среди скал. Сверху пещеру закрывали густые кроны деревьев, что росли на возвышении, и из нее открывался вид на покрытые лесом уступы внизу. Лун забрался внутрь, принял земной облик и устало рухнул на землю.

Утес приземлился на край уступа, изменился, нырнул внутрь и бросил свой мешок. Он потянулся, всем своим видом показывая, что ничуть не устал за день.

— Здесь немного прохладно.

Лун усмехнулся:

— Немного. — Впадина была защищена от ветра, гнувшего верхушки хвойных деревьев, но лучи солнца сюда не проникали, и от камней исходил такой же холод, как от глыбы льда. А еще пещера была тесной. — Костер развести негде. — Вот только ему совсем не хотелось подниматься и искать место получше.

Утес встал на колени, уселся на пятки и начал рыться в мешке.

— А мы здесь все равно ненадолго. Я хочу отправить-ся дальше в путь как можно скорее.

Лун тихонько зарычал, но не стал спорить. Если Утес решил проверить его на прочность, ладно. Он тоже не

хотел оставаться в этих горах дольше, чем было необходимо. Он сжался в комок, стараясь не стучать зубами. Чтобы отвлечься и хоть немного понять, куда держит путь Утес, он спросил:

— Почему ты не остановился в этой колонии по пути на восток?

— Двор Медного Неба всегда был небольшим. Я знал, что они, скорее всего, не смогут дать нам воинов. Мне нужно поговорить с ними по другому поводу. — Утес вытащил из мешка потрепанный темный сверток — Лун прежде принял его за тряпку, в которую был завернут котелок, но, судя по всему, это было одеяло. — И наставники сказали, что мне лучше полететь в Звездное Сияние. — Он вдруг призадумался. — Или в сторону Звездного Сияния? Наверное, они сказали «в сторону».

Лун вспомнил недавние слова Утеса о том, что для того, чтобы стать наставником, нужен особый дар.

— Наставники — это шаманы? — Ему часто не везло с шаманами. Они либо оказывались шарлатанами, либо сразу же начинали относиться к нему с подозрительностью.

— В основном предсказатели и целители, — поправил его Утес, расправляя на земле одеяло. Он лег на него и сунул мешок под голову вместо подушки. — Ложись, отдохни, — он похлопал по свободной половине одеяла, предлагая Луну лечь.

Лун не шелохнулся. Он все еще никак не мог понять намерения Утеса. Впрочем, о намерениях Илейн он тоже не догадывался.

— Я не стану с тобой спать. — Если это было проблемой, он хотел узнать об этом сейчас, до того как он проведет еще несколько долгих, мучительных дней, борясь со встречными ветрами.

Утес приподнял бровь. Его явно позабавили слова Луна.

— У меня есть правнуки старше тебя. — Он указал на белесую полосу на локте: — Шрам видишь? Он тоже старше тебя.

Лун недовольно прищурился и подумал, правда ли это. Он точно за этим не следил, но знал, что прошло приблизительно тридцать пять циклов смены сезонов с тех пор, как его семья была убита. Среди некоторых земных рас он считался стариком, среди других — юношей. Если Утес действительно был настолько стар, а Лун и правда принадлежал тому же виду, что и он...

«Если ничего не получится, то тебя ждет долгая и одинокая жизнь».

Он приблизился и лег рядом с Утесом. Одеяло выглядело потрепанным, но оказалось толстым и плотным. Лежать на нем было не мягче, чем на голом камне, но теплее. Повернувшись на бок, спиной к Луну, Утес сказал:

— Я постараюсь не облапать тебя во сне.

— Урод, — буркнул Лун. Ему бы хотелось фыркнуть и уйти в другой конец пещеры, но от Утеса даже в земном облике исходило почти столько же тепла, сколько от его крылатого обличья. Все еще злясь, Лун уснул.

Он спал до глубокой ночи, прижавшись к спине Утеса, пока тот не ткнул его локтем и не сказал, что пора лететь дальше.

Горы простирались до самого горизонта, но даже когда небо заволочло тучами и они полетели через холодный туман, набивавшийся им в легкие, как мокрая шерсть, они не сбились с пути. Лун всегда знал, в какой стороне юг, всегда чувствовал это нутром. И судя по тому, как уверенно Утес парил сквозь густые облака, ни разу не отклонившись от нужного направления, Лун решил, что и у него есть такая способность.

На протяжении нескольких суток они летели днем и ночью, лишь изредка останавливаясь, чтобы поспать и поохотиться на животных, коих здесь водилось немного. Лун видел несколько видов горных травоедов, но все

они были костлявыми и худосочными, и трапеза из них получалась так себе. Несмотря на то что длительные перелеты выматывали, выносливость Луна быстро укреплялась. Но каждый день он больше всего ждал времени перед самым сном, когда Утес начинал расспрашивать его о том, где он жил, как далеко путешествовал, что повидал. И чего Лун совсем не ожидал от своего спутника, он тактично не упоминал корданцев.

Лун не привык говорить о местах, где он был, не избегая при этом всего, что касалось полетов и переплощений. В ответ Утес рассказывал о том, как летал над морскими царствами и видел очертания белых коралловых башен под поверхностью вод, мелькание русалочьих хвостов и морских обитателей, бросавшихся прочь от его тени. Летать над морями было опасно, ведь, застань его буря или не рассчитай он силы, там было негде приземлиться. А еще опаснее было плавать глубоко под водой, где обитали существа, превосходившие размерами даже крупнейших земных хищников. Лун никогда не залетал дальше прибрежных островов на юге и с восхищением слушал о том, что лежало за их пределами.

К сумеркам пятого дня они долетели до границы гор, где острые вершины постепенно снижались и переходили в зеленые холмы, а выходящие на поверхность каменные породы разрезались узкими бурными ручьями. На этот раз Утес выбрал для отдыха травянистый уступ, достаточно широкий, чтобы разжечь костер, хотя здесь было теплее, чем наверху, в горах. Лун подозревал, что он просто хочет заварить чаю. Когда Лун вернулся с охапкой сухостоя, собранного в кустарниках по оврагам, он обнаружил, что Утес уже принял земной облик и сложил из камней очаг, рядом с которым на холодном ветру остывала тушка мохнатого травоеда.

После того как они поели, Лун в земном облике лег на живот и растянулся на мягком прохладном дерне, наслаждаясь теплом костра, сытостью от съеденного

травоеда и выпитого чая. Где-то вдали он услышал рев, пронзительный, как колокольный звон, но такой далекий, что он почти слился с шумом ветра. Лун скосил глаза на Утеса, чтобы понять, стоит ли ему беспокоиться.

— Это небесные создания, горные ветрокрылы. — Утес сидел у костра, разламывая ветки на маленькие кусочки и рассеянно бросая их в огонь. — Они живут слишком высоко и нас не заметят.

Лун перевернулся на бок и подозрительно посмотрел на небо. На нем ярко горели звезды, прочерченные облаками.

— И чем же они тогда питаются?

— Другими небесными созданиями, поменьше. Размером с комаров. Они сбиваются в большие рои, которые можно по ошибке принять за облака. — Когда Лун попытался себе это представить, Утес спросил: — Ты когда-нибудь искал других оборотней?

Раньше Утес об этом не спрашивал, и Лун хотел избежать этой темы. Ничто не принесло ему столько неприятностей, как поиски своего народа.

— Искал. Долго. Потом перестал. — Он пожал плечами, словно его это не заботило. — Я же не мог обыскать все Три Мира.

— А воительница, с которой ты жил, не говорила тебе, из какого ты двора, или как зовут твою королеву, или хоть кого-нибудь из твоего рода? — Голос Утеса звучал явно рассерженно. — Она тебе даже не намекнула?

Лун с нажимом поправил его:

— Нет, моя мать ничего такого мне не говорила.

Утес вздохнул, вороша костер. Лун приготовился к препирательству, но вместо этого Утес спросил:

— Как она и арборы погибли?

Эта тема тоже была не из приятных. Подобно старой ране, которая никогда не переставала кровоточить. Лун не хотел вдаваться в подробности, но он должен был дать Утесу хоть какой-то ответ. Он опустил подбородок на руки и уставился в темноту.

— Их убили тэты.

Тэты были ящериобразными земными созданиями, хищниками. Они окружили дерево, где спала семья Луна. Он помнил, как проснулся, растерянный и испуганный, и как мама выкинула его из гнезда. Позже он понял, что она поступила так потому, что крылья были лишь у него одного и только у него был шанс спастись. А она осталась, чтобы защитить остальных.

Он был слишком юн и летал плохо. Пролетев через ветви, он чуть не рухнул на землю, оказавшись в пределах досягаемости поджидавших внизу тэтов. Один схватил его, и Лун в борьбе выцарапал ему глаза. Он отчасти взлетел, отчасти вскарабкался по деревьям обратно в гнездо. Но его мать и все остальные были уже мертвы, разорваны на части.

Если бы Лун знал, как трудно ему придется без них, то он бы позволил тэтам схватить его. Он сказал:

— Все произошло... быстро.

Некоторое время они оба сидели молча, слушая треск костра. Лун чувствовал, что Утес не знает, как выразить свое сочувствие, равно как и сам Лун не знал, как его принять. Он не удивился, когда Утес бросил в огонь последнюю палку, отряхнул руки и полностью сменил тему:

— Ты знаешь, почему Три Мира так называются?

Лун снова расслабился, устраиваясь поудобнее на земле и радуясь перемене разговора.

— Три континента. — Он просто предположил. Лун никогда не видел карты, которая бы показывала больше ближайших окрестностей.

— Три царства: морское, земное и небесное. Все помнят о морских царствах, но они позабыли о небесных. Сменилось уже много поколений с тех пор, как обитатели небесных островов бились друг с другом. Они почти все исчезли, и теперь некому рассказывать их истории.

Лун подумал, что, возможно, он с самого начала был прав насчет небесных островов.

— Так мы произошли оттуда?

Глядя вдаль, Утес ответил:

— Нет. Мы всегда приходим от земли.

На рассвете они полетели над полями, где из земли торчали старые опоры — остатки древней разрушенной дороги или акведука. Многие народы проживали в Трех Мирах, и многих уже не было на свете, так что Миры были усыпаны их останками.

После полудня они нашли действующую дорогу, проходившую через океан высокой зеленой травы. Более ста шагов в ширину, она была построена из такого же белого камня, что и разрушенные опоры. Когда день начал клониться к вечеру, они заметили путешествующий по ней караван.

Он состоял из квадратных повозок, грубо вырезанных из темного дерева. Их тащили за собой лохматые тяглобеги с массивными рогами. Караван остановился и готовился разбить лагерь на ночь: земные обитатели распрягали животных, ставили палатки, разжигали костры.

Лун и Утес летели достаточно высоко, и земные создания их не заметили. Они оба сливались с сумеречным небом, но Лун все равно заложил вираж, чтобы облететь лагерь стороной. Он сомневался, что у каравана было оружие, способное сильно навредить ему на таком расстоянии, но пугать их все равно не стоило. Затем он увидел, как Утес, кружа, снизился, собираясь сесть на площадку в высокой траве вдали от края дороги.

«Он что, с ума сошел?» — опешив, подумал Лун.

Утес приземлился чуть ниже и под углом от дороги, причем сделал это так быстро и тихо, что земные создания его не заметили.

Лун спустился настолько быстро, насколько мог, приземлившись на примятую траву, куда до этого опустился Утес. Сам Утес уже принял земной облик и с чувством потягивался, разминая плечи. Трава вокруг была

высотой с небольшое дерево, выше них самих. Лун переплодился и с нажимом спросил:

— Что ты делаешь?

Утес посмотрел на него так, словно ответ был очевиден.

— Хочу узнать новости. Это сериканцы, скорее всего, они идут из Киш.

— Ты что, просто так возьмешь и пойдешь к ним? — Лун не мог поверить, что Утес говорит серьезно.

Утес приподнял бровь:

— Я могу встать на краю дороги и попытаться привлечь их внимание, но...

Лун потрясенно покачал головой:

— Они же поймут, кто мы такие. Ты видел, сколько там земных обитателей?

— Около пятидесяти или шестидесяти, судя по количеству повозок. — Утес взвалил мешок на спину и терпеливо пояснил: — Они путешествуют по далеким краям и видят много чудных вещей. Некоторые заподозрят, что мы отличаемся от них. Но пока они не почувствуют угрозу, они нам ничего не сделают.

Затея все еще казалась безумной. Лун раньше уже подходил к земным обитателям просто так, но только убедившись, что он ничем не отличается от обыкновенного путника, даже если для этого приходилось приземлиться в дне пути от них или дальше.

— Что, если ты ошибаешься?

Утес пошел прочь, пробираясь через траву.

— Раньше я уже ошибался, — признал он, ни капли не успокоив этим Луну.

Лун неохотно пошел за ним к краю дороги. Оказалось, что она лежала на искусственно сооруженном возвышении высотой более десяти шагов. Возвышение пересекало все поле и было незаметно с воздуха. К нему через равные интервалы вели полуразрушенные ступени, утопавшие в траве настолько, что их нижние площадки уже давно исчезли. Утес взошел по ближай-

шим ступеням и направился к лагерю. Все еще ожидая, что случится какая-нибудь катастрофа, Лун беспокойно присел у края дороги.

Повозки были выстроены полукругом, и в лагере пахло кострами, благовониями и луковыми корешками, жаренными на ореховом масле. У земных обитателей была синяя кожа — намного темнее, чем у Кавата, — и черные волосы. Их одежда была яркой и разноцветной, длинные плащи и панталоны — красными, синими или темно-зелеными, с золотыми или черными вышивками и тесьмой. У них были копья и короткие луки, на вид сделанные из рога. Мохнатые тяглобеги встряхнулись и замычали, когда Утес приблизился.

Несколько мужчин вышли, чтобы встретить его, сначала настороженно, однако, когда он заговорил, они постепенно расслабились. Ветер уносил их голоса в сторону, но Лун все же улавливал обрывки разговора. Старший погонщик говорил по-альтански, он спросил, откуда они — из Каупи или Лороса, на что Утес ответил лишь, что они просто путники и держат путь на запад. Наконец они отвели Утеса в лагерь и усадили у костра рядом с пожилым мужчиной, который, по-видимому, был у них главным. Лун увидел, как цепкий взгляд мужчины метнулся в его сторону, и услышал:

— А юноша что, из пугливых?

— Не то слово, — ответил Утес.

Лун заметил, что он не принял предложенные караванщиками еду и воду. Караванщики в ответ отказались от предложенной Утесом плитки чая из его мешка. Лун следил за тем, как пожилой мужчина смотрел на Утеса.

«Он знает». От этой мысли у Луна взвыли нервы. Два путника, у Луна нет даже мешка с припасами, и пришли они, пробираясь через траву, а не по дороге. Земной мужчина знал, что к его костру подсело нечто необычное, а не просто представитель другой расы. Но он, похоже, был заинтересован, а не напуган. Лун не понимал, как у Утеса это получилось.

«Он не провел всю жизнь в одиночестве, и на него не охотились», — подумал Лун. Может быть, караванщики почувствовали спокойствие Утеса и потому не боялись его. Ну конечно, Утес ведь мог перевоплотиться в мгновение ока, и их стрелы не смогли бы пронзить его кожу.

Может быть, все это время Лун просто все делал неправильно. Жил не в той части Трех Миров, неправильно заводил знакомство с земными созданиями, окружал себя ложью, которую не мог поддерживать. Шло время, окружающие чувствовали, что он им лжет, и думали, что он хочет причинить им вред. «Ну не знаю». — Он вздохнул, потер глаза, в которые попал песок, и пожелал, чтобы Утес поторопился.

Женщины подошли к костру и сели, присоединившись к разговору. На них были такие же одежды, как и на мужчинах, их груди под распахнутыми плащами ничто не прикрывало, а прямые волосы свободно спускались до самого пояса. Через какое-то время несколько девчушек помоложе даже осмелились подойти к границе лагеря, пытаясь подманить Луна. Когда они подошли к нему ближе, чем на двадцать шагов, он отполз вдоль стены подальше. Кто-то их окликнул, и они убежали, хихикая и звеня на бегу колокольчиками, вшитыми в их одежду.

Утес покинул их вскоре после заката и вернулся к стене, где его ждал Лун.

— Узнал новости? — нарочито сомневающимся тоном спросил Лун. Он распрямил ноги и спрыгнул с дороги.

Утес спустился по ступеням.

— Поговаривают, что Скверны подошли к внутреннему морю. Сериканцы сами никого не видели, но знают караванщиков и мореплавателей, которые теперь не заходят дальше Деми. — Он говорил задумчиво. — Несколько поколений казалось, что в этих местах Скверны постепенно вымирают. Но теперь они снова

начали действовать, причем активнее, чем когда-либо за последние двадцать циклов.

Лун никогда не слышал о Деми и только что понял, насколько заблудшим он был на самом деле. Он пожал плечами, чувствуя себя неловко.

— Скверны повсюду, — сказал Лун, когда они, пробираясь через траву, пошли прочь.

Через несколько дней Лун не выдержал и спросил Утеса, почему тот считает, что мать Луна украла его.

Они сидели на вершине разрушенной опоры, которая была по меньшей мере сто шагов в высоту, а в ширину больше крупной повозки сериканцев, и слушали, как ветер шумит в высокой траве. Место было удобным для остановки на ночь; жесткую поверхность укрывала подстилка из скопившейся там земли и травы, на которой было мягко спать. Лун видел вдалеке на фоне звездного неба темные очертания холмов. Утес говорил, что среди них находится двор Медного Неба и что они доберутся до него примерно через день.

Утес медленно произнес:

— Иногда на свет появляются выводки, которые называются королевскими. Пять окрыленных самок, рожденных в одно время. Когда они подрастают, одна, две или три из них становятся королевами, а остальные — воительницами. Порой те, что оказываются воительницами... не способны пережить разочарование. И иногда оно толкает их на безумные поступки. Например, они покидают двор, воруют выводки или... вытворяют что-нибудь еще. — Он неловко заерзал и признал: — Возможно, дело было в чем-то другом. Иногда колонии перестают существовать, а так далеко на востоке, где ты жил, ракуры всегда были немногочисленны. Возможно, она была одной из выживших и искала, куда ей податься.

Лун обдумывал это, глядя в даль равнины. Насекомые стрекотали во тьме, и дневной жар все еще висел

в воздухе. Он слышал, как что-то шевелилось в траве неподалеку и негромко рычало, — то были падальщики, подбиравшиеся к туше огромного мохнатого травоеда, которым они недавно поужинали. Он заметил, что большие хищники держались поодаль, и подумал, что, наверное, дело в Утесе, который отпугивал их даже в земном обличье.

Лун попытался вспомнить хоть какой-нибудь намек на то, что его мать бежала от чего-то или к чему-то. Это было так давно, и он, будучи мальчишкой, не обращал внимания почти ни на что, кроме игр, уроков полетов и охоты. Но он знал, что мама не была сумасшедшей. И говорить об этом дальше было бессмысленно.

— А чем королевы отличаются от других?

Утес растянулся на траве и сложил руки на груди, по-видимому, не возражая против смены темы.

— У них цветные узоры на чешуе и гребни длиннее, чем у других. Когда они перевоплощаются, то теряют крылья, но становятся больше похожи на арбор, а не на земных созданий. У них остаются когти, хвосты и некоторые гребешки.

Мысль о том, что кто-то был не способен принять земной облик, казалась странной. Однако королевы, похоже, мало чем отличались от воительниц, разве что могли производить на свет других королей.

— Так почему же тогда они такие особенные? — спросил он, просто чтобы поддеть Утеса.

— Королевы объединяют двор. И у них есть сила, которой нет у наставников, — терпеливо объяснил Утес. — Если ты находишься достаточно близко к королеве, она может не дать тебе перевоплотиться.

«Он что, шутит?» — в ужасе подумал Лун. Он беспокойно заерзал и почесал комариные укусы на бедре, пытаясь скрыть свою реакцию.

— Даже тебе?

Утес приподнял брови:

— Даже мне.

Он не шутил.

— И много их?

Утес нахмурился, словно в вопросе был какой-то двойной смысл.

— В Тумане Индиго всего лишь две. Правящая королева и младшая. Их должно быть больше, как минимум один выводок королев-сестер, которые бы поддерживали правящую. Но нам долгое время не везло.

Две. Что ж, это не так уж и плохо. Лун наверняка сможет их избегать. А если нет, то он не останется в колонии. Вот только он уже начал привыкать к Утесу — летать с ним, охотиться в команде и вести разговоры, в которых ему не приходилось ничего скрывать. Причем привык он настолько, что будет скучать, когда все закончится.

Утес снова смотрел на него. Его взгляд был непроницаемым, и не только из-за блеклого глаза. Лун подумал, не отражаются ли его мысли на лице. Но Утес лишь спросил:

— Как звали воительницу, которая говорила, что она твоя мать?

Лун помедлил, но не нашел причины не говорить ему.

— Скорбь.

Утес вздохнул с таким выражением, которое уже стало Луну знакомым.

— Ну что еще? — недовольно спросил Лун.

— Ничего, — ответил ему Утес, пожимая плечами. — Просто я бы ни за что не дал своему ребенку такое имя.

— Так у тебя и правда есть дети? — Он немного удивился. Когда Утес пошутил насчет правнуков, Лун решил, что он не всерьез.

— Причем немало. Народились за многие циклы. — Утес перевел взгляд на небо, прищурившись. — Я несую своей праправнучке подарок.

Скорее всего, он имел в виду золотой браслет в его походном мешке. Лун предполагал, что Утес таскает его

с собой на случай, если ему понадобится что-то выменять в каком-нибудь земном поселении, но для подарка он подходил больше. Лун хотел было задать еще один вопрос, но заметил, что глаза Утеса уже закрыты.

Раздосадованный, Лун растянулся на траве и посмотрел на ночное небо, усыпанное звездами. По крайней мере, увидев двор Медного Неба, он хотя бы отчасти поймет, чего ему ждать от Тумана Индиго, хотя Утес сказал, что первое поселение меньше.

«Увидишь, каково там, когда там окажешься. Нечего заранее беспокоиться».

Впрочем, эти слова, сказанные самому себе, его тоже не убедили.

На следующий день, ближе к вечеру, они достигли края долины, где большие покатые холмы были покрыты низкорослыми кустарниками и невысокими, погнутыми ветром деревьями, кроны которых окрашивались закатом в красно-золотые тона. Их тени вспугнули стада больших рогатых травоедов с коричневым мехом. Когда Утес вдруг резко затормозил, широко расправив крылья, Лун перелетел его.

К тому времени, когда он развернулся и возвратился, Утес уже приземлился на каменистую вершину холма. Лун опустился рядом с ним, тяжело дыша. Перелет был долгим, и ветер стал попутным, лишь когда они добрались до холмов.

— Что такое?

Утес принял земной облик. Он никогда не разговаривал в своем крылатом виде. Лун даже думал, что он просто не может в нем говорить. Сузив глаза, Утес уставился вдаль и сказал:

— Что-то неладно. Их часовые уже должны были показаться и встретить нас.

Лун повернулся и прищурился, глядя против садящегося солнца и пытаясь понять, какой из далеких округлых холмов был колонией.

— Что... — Он пошатнулся от врезавшегося в него потока воздуха — Утес перевоплотился и резко взмыл в воздух.

Выругавшись, Лун полетел за ним.

Лун не видел колонию, пока не оказался почти прямо над ней. Солнце садилось вдали, и у подножия холмов собирались тени. Курган был скрыт среди других холмов, но отличался от них по форме. Он был слишком ровным, и даже деревья на нем росли аккуратными рядами, образуя уровни, которые шли до самого верха. Приблизившись, Лун смог разглядеть проходы, вырезанные в камне и земле. Но он не видел ничего живого, если не считать лениво круживших в небе темно-зеленых падальщиков, которые разлетелись, когда они приблизились.

Утес заложил вираж над курганом, и Лун последовал за ним. Противоположный склон, сиявший в золотистых лучах солнца, обрушился и превратился в груды камней, земли и выкорчеванных из нее деревьев. Дыма не было, но Лун чувал запах горелого дерева и плоти.

Утес приземлился на террасу под обвалом, сложил крылья и замер на месте. Через несколько мгновений Лун сел рядом с ним. Солнце нагрело камни и голую землю, но сладковатое благоухание белых цветков на скрюченных деревьях не могло замаскировать смрад смерти. Лун осторожно прошелся вдоль края, вонзая когти в рыхлую землю и недоверчиво качая головой. Он ожидал чего угодно, но только не этого.

Из земли в разных направлениях беспорядочно торчали сломанные бревна. Лун остановился у одного из них и втянул когти, чтобы провести рукой по гладкой, полированной поверхности. Бревна, скорее всего, принесли из горных лесов, чтобы сделать из них опоры, поддерживающие искусственную насыпь. Точнее, которые раньше ее поддерживали. Он не видел, где в земле лежат трупы, но вонь разлагавшейся плоти и жужжание мух говорили ему, что они где-то рядом.

Очевидно, обвал произошел не по естественным причинам: выкорчеванные деревья и большая часть земли не ввалились внутрь, а сползли по склону насыпи. «Какое-то существо сделало подкоп снаружи», — с тревогой подумал Лун. Или даже несколько существ, все размером с Утеса или даже больше. Он знал, что это означает.

Утес повернулся и прошел по террасе мимо Луна к одному из сохранившихся входов. Лун рассеянно собрался идти за ним.

Удар хвоста Утеса пришелся ему по плечу и сшиб его со склона. Лун кубарем покатился по камням и больно врезался в дерево. Оглушенный, он поднял голову и увидел, как Утес, сложив крылья, скользнул внутрь.

«Проклятье, больно же». — Лун выбрался из полых ветвей дерева, стряхнул с себя землю и взмыл в воздух.

Он подлетел к соседнему холму и приземлился на большой плоский камень на его вершине. Его когти процарапали шероховатую поверхность, и он увидел, что вся верхушка камня была покрыта похожими отметинами. Видимо, обитатели колонии часто садились сюда. Он попытался представить себе это место таким, каким оно было совсем недавно: как десятки похожих на него существ сновали туда-сюда из кургана и обратно, как они садились на этот камень, чтобы посмотреть на закат. «Больше им не суждено его увидеть».

Ощувив невыносимую усталость, Лун принял земной облик. Со стоном он сел на землю и обнял руками колени, пытаясь унять ноющую боль в спине и плечах.

«Такие дела», — горько подумал он.

Утес зря так резко его осадил. Луну не нужно было видеть следы произошедшего внутри кургана побоища, чтобы понять, что это дело рук Сквернов. Существовали и другие большие хищники, способные прокопать такую дыру в склоне холма, но они были обыкновенными

животными, и Лун не сомневался, что отряд оборотней мог отогнать их или убить.

Лун подозревал, что в деле замешаны Скверны, с тех самых пор, как Утес сказал ему, что ищет воинов для защиты его колонии. Но одно дело — подозревать, а другое — знать наверняка.

Камень все еще был теплым от дневной жары, а ветер — крепким и прохладным. Далеко на западе собиралась небольшая гроза и бурлящие тучи, окрашенные в темнеющих сумерках в лиловый цвет. Об этом тоже стоило беспокоиться. Какая-то часть Луна хотела поохотиться и найти родник, чтобы Утесу, когда он выйдет наружу, не пришлось этого делать, а потом притвориться, что ничего не изменилось, — по крайней мере, пока они не доберутся до Тумана Индиго. Он не мог поверить, что эта его часть была настолько глупой.

Ему стоило обратиться отсюда, пока Утес не вернулся за ним — если он вообще вернется. Луну придется провести множество дней в пути, пока он не вернется в знакомые места. Что делать потом, он пока не знал. Но существовало множество земных поселений, откуда его пока еще не выгоняли.

В тот миг ветер переменился, и Лун замер.

Скверны все еще были здесь.

Он вскочил на ноги, пригнувшись. Нет, ему не показалось. Он негромко зарычал. «День становится все хуже и хуже».

Лун перевоплотился и прыгнул с камня, резко распрямляя крылья и ловя ими ветер.

Он облетел курган, внимательно приглядываясь к нему. Входов, вроде того, в котором исчез Утес, было несколько. Лун приземлился рядом с тем, что находился у вершины кургана, с противоположной стороны от обвала. Проход уходил вниз почти вертикально, его стены были выложены камнем. Чуть ниже края к стене металлическими колышками крепились веревки, свисавшие

вниз и исчезающие во тьме, — веревочная лестница, предназначенная для арборов, бескрылых раксур.

Лун присел, наклонившись пониже и приняв себя к прохладному воздуху, поднимавшемуся из глубины кургана. Он почувствовал уже знакомый запах Утеса, смешанный с мертвечиной, гнилью, горелой древесиной, а также со смрадом Сквернов. Живых Сквернов, а не трупов, оставшихся после битвы внутри. Все тело Луна напряглось, и в его груди заколотил зарождающийся рык.

Он сложил крылья, скользнул в проход и, ухватившись за веревки, стал быстро спускаться вниз.

Веревка была сделана из чего-то, похожего на переплетенные волосы или шелк, а не из волокон растений. Что бы это ни было, материал оказался прочным и не рвался от его когтей. Внизу горел тусклый свет, которого едва хватало, чтобы разогнать тьму и осветить большую залу в конце прохода. Руками Лун почувствовал, как веревка, а вместе с ней камни и земля задрожали, словно в глубине кургана в опорные стены врезалось что-то тяжелое. «Идиот». — Лун рыкнул, не зная, назвал он так самого себя, или Утеса, или их обоих.

Он выглянул из прохода, повиснув на веревке. Освещения едва хватало, чтобы разглядеть очертания тяжелых резных бревен, что подпирали изогнутые стены и служили опорами для изящных деревянных балконов, мостов и галерей. Многие из них были накрыты шатрами из какой-то гладкой материи, цвет которой было не разобрать в полутьме. Некоторые галереи обрушились или криво висели, а соединявшая их веревочная сеть безнадежно спуталась. От висящих под потолком корзин исходил тусклый желтый свет, но он был совсем слабым. Раньше Лун уже видел магические светильники — предметы из кости или дерева зачаровывались, чтобы давать свет, но обычно таких чар надолго не хватало, и эти, видимо, уже рассеивались.

Он услышал шорох — рядом что-то завозилось. Звук исходил с нетронутого балкона, занятого покосившим-